

Detego

Аркадий
Гендер

Проксима созвездия Лжи

Detego

Аркадий Гендер
Проксиома созвездия Лжи

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Гендер А.

Проксиома созвездия Лжи / А. Гендер — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2018 — (Detego)

ISBN 978-5-906957-53-5

У Федора есть все, что нужно для счастья, но человеку всегда мало. Особенно, если на этом настаивает красавица-жена. К чему приведут Федора поиски большего? Охота объявлена не только на него, его близкие тоже в смертельной опасности. И только прошлое неожиданно протянет руку помощи в противостоянии с силами, о могуществе которых Федор даже не догадывался, заставляя горько задуматься о «дорогах, которые мы выбираем».

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906957-53-5

© Гендер А., 2018
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2018

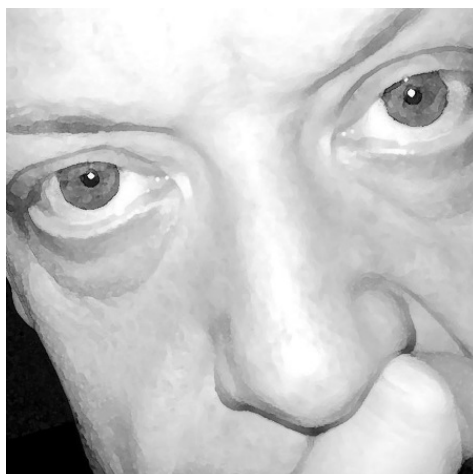
Содержание

Звездная карта грехов	6
Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	35
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Аркадий Гендер Проксиома созвездия Лжи

Составитель О.Якк.

Звездная карта грехов

Очень многие почему-то считают ложь наименьшим из грехов. Меньшим может считаться, пожалуй, только прелюбодеяние... Но ведь даже убийство, справедливо считающееся самым страшным из грехов, может случиться, например, по неосторожности. Или в состоянии аффекта. А вот ложь всегда осознанна, всегда корыстна. А часто за ней стоит и четкий холодный расчет, всегда направленный на получение выгоды. Я не беру во внимание случаи, когда лжет больной, психически нездоровый человек, патологический лгун. Я имею в виду случаи поведения обычных, нормальных людей, – они всегда лгут сознательно.

Роман Аркадия Гендера, как писали некогда в предисловиях, о наших современниках – об обычных, нормальных людях. Все они здоровы физически и психически, но глубоко больны нравственно. Такие уж у нас теперь времена...

И, как можно догадаться уже из одного только названия, этот роман – о лжи. О том, как кольцо маленьких, больших и огромных обманов смыкается вокруг самого обыкновенного человека. И ведь окружают его на первый взгляд совершенно нормальные люди, но на поверку все они оказываются... оборотнями. Нет-нет, здесь нет никакой фантастики, оборотни они в переносном, фигуральном смысле. В романе все вполне в рамках реализма. Но если представить себе, что в нашей стране после смены экономической формации на место социалистического реализма пришел... капиталистический, то реализм в этом произведении – именно такой. Золотой телец, люди гибнут за металл. *Homo homini lupus est*. Но даже беспощадный *lupus* никогда не убьет, когда он не голоден, просто так. А здесь человек становится себе подобным даже не волком, а трудно представить – кем.

И еще о названии. Проксима Центавра – самая близкая к нашей Солнечной системе звезда. Находится, как нетрудно догадаться, в созвездии Центавра. Возможно, вокруг нее, как и вокруг нашего Солнца, вращается своя планетарная система. Фантасты мечтают, что на одной из этих планет может быть жизнь... Планета, которую описывает автор, безусловно, обитаема, вот только – парадоксально – жизни на ней нет. А есть существование белковых тел, весьма злобных и совершенно беспринципных, озабоченных лишь выстраиванием собственной пищевой цепочки. Съешь ты, или съедят тебя. Умри ты сегодня, а я завтра. И Проксима эта не возле далекого Центавра, а в созвездии Лжи, которое к нам гораздо ближе, чем может показаться. И тем трагичнее эта история.

Если автор особенно не интригует читателя названием своего произведения, то сюжетную интригу он выстраивает весьма изысканную и подчеркнуто прихотливую. Сложную, непредсказуемую. Читаешь и каждый раз поражаешься, в какие невероятные круги современного земного – не проксимианского! – ада забросит главного героя изощренная писательская фантазия. Вроде хуже и быть уже не может – так нате!.. Кроме упомянутых уже грехов ему придется бороться и с другими – прелюбодеянием и убийством, воровством и предательством...

За что все это герою романа Федору Ионычеву? Есть и за ним грех, который можно искупить только чередой испытаний, разочарований и утрат. Он предал главную любовь своей жизни. Точнее, даже не предал, а просто не заметил, насколько она важна для него, и ушел от нее к любви новой, более удобной и нетребовательной, но впоследствии оказавшейся ложной, ведущей в никуда.

Злоключения Федора в мире современного большого бизнеса и столь же больших злобы и предательства – это основная линия произведения. Повторяю, она невероятно увлекательна и построена на самых неожиданных поворотах. Вроде бы автор пишет неспешно, с множеством подробностей, деталей. Но он лишь усыпляет читательское внимание, чтобы вдруг ошарашить очередным сюжетным поворотом, от которого захватывает дух.

Но есть и вторая, на первый взгляд небольшая, едва заметная линия, проходящая как бы пунктиром. Сразу даже не понимаешь – а зачем она? Но она важна не менее, а может быть, даже более, чем основная. Она – о том, как в мир приходит злоба. Нет, не извне, не из созвездия Центавра, – она рождается тут, в этом самом нашем родном мире. Она о том, как злое общество формирует злых людей. Все подчеркнуто просто, но простота эта пугает до жути.

«Проксима созвездия Лжи» – сложное произведение, в котором увлекательный сюжет сочетается с глубоким пониманием морали и нравственности...

Вот финальные строки произведения, дальше только эпилог. Не бойтесь прочитать их сейчас, они не станут спойлером всего романа:

«...Прямо по изморози наискосок через обе створки была детским почерком выведена совсем свежая и в высшей степени странная надпись, никаким образом не укладывавшаяся в каноны стандартных подъездных граффити: «Темнотой может стать свет от черной свечи». Федор минуту постоял, не понимая, потом, сраженный вдруг внезапно открывшимся смыслом наповал, повернулся и тихо пошел. Ну да, все ясно, – простая, обыкновенная свеча освещает все вокруг. Ее свет – это правда. Черная свеча – это ложь, ее свет не освещает, а наоборот, скрывает все, накрывает темнотой, превращает жизнь в гнусность, гадость, в черт знает что. В ад.

Федор прошел через тихий, не освещаемый ни одним окошком двор и начал спускаться в овраг. В самом низу его он остановился, достал из кармана ключи от Катиной квартиры и зашвырнул их далеко в сугроб. Слезы *жгуче* подкатили к его глазам, и он с трудом удержал их. Глубоко вздохнул, выпустил из легких длинный шлейф редкого, вихреватого пара и начал подниматься вверх, к дороге. У него появилось еще одно дело в списке срочных. В понедельник он позвонит в издательство и скажет новое название для своей книги».

Кажется, герой теряет все, что у него было. Более того, он теряет еще и то, что временно приобретает в процессе повествования. Но у него остается книга, написанная внезапно и столь же внезапно ставшая причиной его многочисленных бед. Ему удалось стать настоящим писателем, «глаголом жгущим» сердца людей, ведающим в человеческих душах. Ведь только сквозь оптику собственного творчества, преломляющего, увеличивающего, преумножающего то, что происходит вокруг нас, можно отличить свет, идущий от настоящей свечи, который есть правда, от того, что от черной, который – ложь. Теперь он это может.

Андрей Щербак-Жуков,

поэт, прозаик, литературный критик

Ошибка в выборе между тем, кого ты любишь, и тем, кто любит тебя, может стоить очень дорого.

Проксима созвездия Лжи -

по аналогии с Проксима созвездия Центавра, ближайшей к нам звездой (после Солнца, конечно)

– Ну, что там? Ты видишь цель?

– Да, с целью все отлично. Но рама мешает, она должна открыть форточку, иначе ничего не получится.

– Она сейчас придет, не нервничай.

– Тебе легко говорить! Здесь бомжи ходят. Если они наткнутся на мою лежку, мне что, их всех валить прикажешь?! А, вот она вошла.

– Ну, а ты боялся! Я же сказала, она сделает все как надо.

– Да, она подходит к окну. Открыла, молодец! Ха, раздевается!

– Извращенец! Ты там зачем? За бабами подсматривать?!

- Ладно, все, работаю. Даю отбой.
- Не надо. Я хочу быть онлайн. Пошли ему мой последний поцелуй.
- Поцелуй калибра 7,62. Как поэтично!
- Пфр-р! Тожe мне, Омар Хайям!
- Хайям был перс. Если хочешь сделать мне приятное, в следующий раз сравнивай меня с кем-нибудь из наших – с Али Харири, например.
- Слушай, может быть, закончим уже этот поэтический вечер и займемся делом? Чего ты тянешь?!
- Я не тяну. Считаю до трех.
- Раз, два, три. Ну, что?
- Поцелуй доставлен. Ничего, что в висок, а не в губы?
- Плевать. Нет правда – все?
- Я же говорю, все!
- Все... Ну, вот и все.

Глава 1

Мать всю жизнь проработала на Люблинском литейно-механическом, да на вредном производстве, и собственное здоровье сохранила разве что чудом. Но просто так ничего в этой жизни не проходит, и долгожданную в семье Рюхиных дочку Антонина Васильевна родила семимесячной, очень слабенькой и, по образному определению доброй акушерки в род-доме, – «немножко недоделанной». Мать акушерку чуть не прибила и, несмотря на то, что та была не так уж и неправа, нарадоваться не могла на девочку, отказывалась отпускать от себя, постоянно приговаривая: «Доча ты моя, доча ненаглядная!» С тех пор и на долгие годы так и приклеилось к ней в семье – Доча да Доча.

* * *

Федор проснулся сам и как-то сразу. Пару минут он еще лежал с закрытыми глазами, ожидая, что вот-вот раздастся истошное верещание будильника, но тот почему-то включаться не спешил. Федор открыл глаза. Пробивающийся сквозь неплотно задернутые шторы рыжий лучик фонаря со стройки напротив слегка рассветлял крошечную темь февральского утра и позволял, хоть и не без труда, рассмотреть стрелки на циферблате. Удивительно, но до столь же ненавидимого, сколь и неизбежного подъема было еще почти полчаса. Это тем более поражало, что сна не было ни в одном глазу. А ведь Федор был стопроцентной «совой» и даже не помнил, когда в последний раз его разбирало в такую рань и так легко освободиться от уз Морфея. Такое бывало разве что в детстве, когда наутро предстояло что-то долгожданное, от одного предвкушения чего сладко замирало сердце. Например, поход с отцом на рыбалку. Или отъезд к бабушке в деревню. Федор улыбнулся воспоминаниям и тому, как же, по сути, мало в чем-то меняется, взрослея, человек! Ведь и сегодня в его, Федора Ионычева, жизни может произойти нечто значительное и очень, очень давно ожидаемое, – отсюда и утренняя бессонница.

Но все равно вставать раньше будильника причин не было, и с намерением коль уж не поспать, то просто понежиться в теплой постели, Федор повернулся на другой бок. Его рука привычно обхватила талию Ирины. Жена спала в своей любимой позе – свернувшись калачиком и зарывшись головой под подушку. Ночнушка на ней задралась, и ладонь Федора наполнилась горячим теплом ее тела. Десять с лишним лет, прожитых в браке, ровным счетом ничего не изменили в отношении Федора к жене – он все так же любил и хотел ее. Вот и сейчас прикосновение к острому выступу Ирининого бедра отозвалось в нем мощным приступом желания. Как с крутой горки, пальцы Федора заскользили по атласно-гладкой коже ее живота вниз и зарылись в густую поросль шелковистых волос. Ирина вздрогнула, просыпаясь. Секунду, видимо, не понимая со сна, что происходит, она была все так же неподвижна, потом из-под подушки раздался ее разгневанный шепот:

– Ты что, Ионычев, рехнулся? Который час? Отстань, я спать хочу!

С этими словами Ирина решительно сбросила с себя мужнину руку и натянула на бедро подол ночнушки. Федор затих, еще минуту лежал, прижимаясь к безучастной Ирине всем телом, потом вздохнул и отвернулся. Еще совсем недавно Ирина на столь раннее, а потому «внеплановое» проявление мужем нежных чувств наверняка отреагировала бы куда более благосклонно. Делать нечего, нужно было вставать.

Федор вылез из-под одеяла, будучи готовым, как обычно, зябко содрогнуться всем телом, но в спальне было на удивление тепло. Пожалуй, даже градусов восемнадцать. То ли сменился обычно садящий прямо в окна северный ветер, то ли коммунальщики, сжалившись наконец

над людьми, замерзающими этой студеной зимой в таких вот худеньких панельных девятиэтажках, подкинули в топки своих котлов угля.

Федор подошел к окну и приоткрыл штору. Лучик сразу превратился в яркий, как у маяка, сноп света, резанул по глазам. Федор поморщился. Блин, почему же эти строители освещают не стройплощадку, а лупят тысячесвечовыми фонарями прямо в окна квартир? Федор сам строитель и в своей практике всегда тщательно следил за тем, чтобы как можно меньше беспокоить обитателей жилых домов по соседству. Ведь для жильцов стройка под окнами – все равно, что военные учения с танками и стрельбами для мирных граждан какой-нибудь деревушки. Особенно беда летом – жарко, душно, а окно не откроешь, потому что гремит ржавым железом ветхий кран и особенно отчетливо среди ночного безмолвия матерятся злые работяги, со страшным грохотом лупя кувалдой по упрямой железобетонной плите, никак не «сажающейся» на место. Слава Богу, что в связи с недавними морозами ночные смены на стройке прекратились! Хотя толстый слой инея на кирпичной кладке и переставший искриться под светом прожекторов потускневший снег говорили о том, что за ночь резко потеплело.

Федор вздохнул, подумав, что в связи с оттепелью ночные концерты строителей, пожалуй, могут и возобновиться, и открыл форточку. В лицо дохнул влажноватый воздух, напитанный ароматами снега и солярки, подтекающей из стоящего прямо под окнами старенького бульдозера. На подоконник, серой тенью материализовавшись из мрака, с коротким горловым мяуканьем взлетела их кошка Рашель и застыла, полуприсев на задние лапы и вопросительно глядя на Федора своими цвета марокканских мандаринов глазами. Благовоспитанная, в общем-то, британка Рашель имела одну дурную привычку. Ее было рыбой не корми – дай повисеть, наслаждаясь жизнью, на противомоскитной сетке, которой была затянута форточка в спальне. Естественно, острые когти упитанной кошары оставляли в сетке дыры, вполне достаточные для того, чтобы через них в комнату залетали комары, которыми начнет по весне изобиловать тутошная низменная местность. Кошку в семье Ионычевых обожали, тем не менее Федор на любимицу брыськнул и с подоконника согнал, для верности слегка подтолкнув ладонью. Рашель, раздосадованная таким непониманием ее маленьких кошачьих радостей, обиженно мяукнула, тяжело прыгнула на пол и снова растворилась в темноте.

Федор посмотрел на жену, наполовину скрытую подушкой, наполовину – одеялом, подумал, что теплолюбивой Ирине замерзнуть явно не грозит, но форточку все же прикрыл, накинув планку похожего на редкий гребешок ограничителя на вполне достаточные для проветривания два зубца. Потом поддержнул штору, чтобы полоса света от прожектора ушла с подушки, и на цыпочках вышел из спальни.

На кухне он включил плиту, ткнул красную клавишу налитого с вечера электрочайника и пошел умываться. Привычно протиснувшись в дверь ванной, из-за массивного трюмо в прихожей открывающейся не полностью, ловко вильнув бедром между острым углом стиральной машины и ручкой бельевого бака, Федор успешно добрался до раковины. Черт, насколько же все-таки многогабаритна их многогабаритная квартира! Конечно же, права Ирина, постоянно зудящая о том, что квартирный вопрос надо как-то решать. Ведь их квартирка не только маленькая, она еще и по сторонам света сориентирована из рук вон, смотрит окнами прямо-хонько на север, из-за этого на подоконниках загибаются даже неприхотливые кактусы. А в полукилометре за окнами – серая полоса МКАД, над которой черной шапкой, издалека напоминающей рой мошкары, всегда висит облако выхлопных газов. А прямо за Кольцевой продолжением техногенного пейзажа высится серая громада ТЭЦ с дождевыми облаками пара над конусами градирен. И ни деревца вокруг. В общем, экология и всего этого богом забытого места со страшным названием Коровино, и их отдельно взятой многогабаритки – ни к черту. И, наверное, все-таки именно из-за этого постоянные проблемы со здоровьем у шестилетней Полинки.

Какое счастье, что Иринина мама, озабоченная здоровьем внучки, забрала ребенка к себе в благополучное Кунцево, где от ее болячек мигом не осталось и следа. Но на следующий год Полинке в школу, и, значит, ей неизбежно придется возвращаться, и что тогда? Тогда Ирина, которая после Полинкиного отъезда сцены на тему: «Надо что-то делать!» стала устраивать Федору все-таки несколько реже, совсем его сгрызет! И главное, что ведь она права! Но, с другой стороны, что толку в ее правоте, как будто Федор сам не понимал, что так больше жить нельзя! Но что делать, если на их микродвушку, да в таком районе, никто не хочет меняться даже с приличной доплатой! На которую, тем более, денег не было и в помине.

И все чаще Иринины сольные выступления с квартирного вопроса скатывались на собственно денежный вопрос. И более того, на самую болезненную, наверное, для любого главы семейства его часть, называющуюся: «Ну что это за мужик, который денег заработать не может?!» А неприятнее всего в этом было то, что Ирина при этом как будто бы забывала, что денег-то не всегда не было. Но то, что было раньше, для Ирины не имело никакого значения.

А ведь раньше было многое. Ну, хотя бы то, что десять лет назад военный строитель капитан Федор Ионычев, недавно женившийся на красавице Ирине Кротовой, практически сразу получил эту квартиру. По тем временам, когда люди стояли в очереди на жилье по полжизни, это уже была фантастика! А случилось это только потому, что у начальства Федор был на счету отменном, ему прочили хорошую карьеру и квартиру дали из фонда главка, в виде поощрения и стимула к дальнейшей безупречной службе. Но Федор, решив главный по тем временам вопрос – жилищный, из армии сразу же уволился, даже не пытаясь прокормить созданную им ячейку общества на гроши, громко именуемые офицерской зарплатой.

Оказавшись на «гражданке», он устроился на работу в строительный кооператив и быстро стал зарабатывать хорошие деньги. Именно тогда в их квартирке появилась обстановка, всякая техника, у Ирины – мечта любой советской женщины – стиральная машина, у Федора – машина, чтоб ездить. Каждое лето, пока не появилась Полянка, Ионычевы ездили отдыхать – сперва в Турцию, потом и на Канары, и в Таиланд. Дела в кооперативе, преобразовавшемся сначала в АОЗТ, а потом в ЗАО, благодаря Федору шли все лучше, и он, прекрасно понимая, что для троих их жилье маловато, начал откладывать на покупку новой квартиры.

К девяносто восьмому году накопилось свободных шестьдесят тысяч долларов, и Федор начал присматриваться к предложениям риэлторов. За такие деньги тогда можно было купить что-нибудь панельное площадью метров семьдесят где-нибудь в Жулебино или Митино. Но Ирина категорически хотела поближе к маме, в престижные Кунцево или Крылатское. Там квадратные метры стоили в полтора раза дороже, а хотела их Ирина не меньше ста. Даже с учетом тысяч двадцати пяти, которые можно было выручить за их двушку, денег не хватало, а ведь предстоял еще ремонт! Занимать Федор категорически не хотел, и тогда кто-то надоумил Ирину, что надо положить деньги на депозит.

Федор не устоял перед тогдашними предложениями, сулящими вкладчикам чуть не десять процентов в месяц в валюте, и в марте девяносто восьмого положил все деньги в один из банков, чья репутация казалась незыблемой как скала. В августе того же года от репутации остались одни воспоминания, а от денег – только корешки приходных ордеров. Скала, как и вся частная банковская система России, рассыпалась в прах.

Но это было только начало. На счетах другого «надежного» банка оказались замороженными деньги их ОАО. Все крупные контракты были заключены в национальной валюте, которая в мгновение ока подешевела в четыре раза. Начались проблемы. Почти два года бизнес ни шатко ни валко еще шел, но все-таки рухнул. Какое-то время Федор «крутился» сам на мелких подрядах. Ситуация вроде бы начала выправляться, но два года назад один вполне приличный с виду заказчик на самом деле оказался бандитом и «кинул» Федора, внаглую не заплатив. Другой – человек вполне порядочный – прямо перед сдачей его роскошного коттеджа скоропостижно скончался. Официальной была лишь меньшая часть контракта, и Федора «кинули»

уже наследники покойного, заявив, что по бумагам «все уплотчено» и ни о каких «боковых» договоренностях они не знают и знать не хотят. Чтобы рассчитаться с рабочими, поставщиками и субподрядчиками, Федор соскреб по сусекам все, продал свой не новый, но очень приличный «Мерседес», швейцарский хронометр с руки в придачу, но все равно не хватило. И – все, у самого денег осталось только на хлеб, на квас уже не было.

После этого Федор впал в тяжелейшую депрессию. Ирина, последние лет шесть успешно осваивавшая профессию домохозяйки, для прокормления семьи устроилась сразу на две работы. Федор же сначала просто сидел дома, целыми днями играя в одну и ту же компьютерную игру. Потом начал пить.

Странно, но поначалу Ирину такой тихий мужнин «депрессняк» не то чтоб устраивал, но и не сильно раздражал. Может быть, у нее банально не хватало времени на то, чтобы заметить, что происходит с мужем. Она была слишком занята на двух своих работах, на которых быстро преуспела. А может быть, понимала, как тяжело Федор переживает крах целого десятилетия своей жизни. Но в один прекрасный момент Ирина или заметила, или ей надоело понимать. А скорее всего, она осознала, что меньше чем за год из домашней наседки она стала вроде как бизнес-леди, пусть и невысокого пока пошиба. Но уж главой семьи с материальной точки зрения – определенно. И устроила Федору форменный разгром. Она кричала, что выходила за сильного, уверенного в себе мужчину, а не за безвольного тряпку и алкоголика. Что хватит сидеть сиднем дома и заливаться водкой. Что если не хватило ума удержать собственный бизнес, надо идти, как она, на зарплату. И что если он сам не в состоянии найти себе более-менее приличную работу, то за него это сделает она.

Одновременно пораженный, что и в каких тонах он слышит от супруги, но и радуясь тому, что его эдак вот тряхнули, Федор с водкой сразу же завязал. Но, продолжая пока вынужденно сидеть дома наедине с любимым компьютером, Федор неожиданно для себя начал... писать. У него еще со школы было все в порядке с русским языком, он много и жадно читал, а его сочинения на всех конкурсах неизменно занимали первые места. Он даже подумывал о том, чтобы по окончании школы податься куда-нибудь в литературный, но консервативные предки восприняли эту идею в штыки и отправили отпрыска по папиной стезе, в строительный. По окончании вуза последовала обязательная в те годы двухгодичная лейтенантская служба, после которой Федор прагматично остался в кадрах, – работа была точно такая же, как на гражданке, а зарплата – чуть не втрое. И даже в эти бесконечно далекие от литературы времена умение ясно, лаконично и точно выражать мысли, пусть и в казенных рапортах, очень помогало Федору.

И все это время, то чаще, то реже, где-то глубоко внутри Федора всегда теплилась мысль: а вот неплохо было бы ему взять да написать книжку о чем-нибудь, стать известным писателем и доказать «старикам», что не правы они были с выбором жизненного пути сына. И вот теперь, после краха бизнеса, после тяжелого периода застоя в мозгах и в душе, когда уже нечего было доказывать давно умершим родителям, Федору вдруг записалось. Слова, фразы, абзацы, целые куски чего-то сначала не совсем понятного начали литься из-под пера на бумагу (то бишь с клавиатуры на экран монитора) легко и непринужденно. Куски сливались в страницы, те – в главы, и вскоре стало получаться нечто вполне осмысленное про современную жизнь, про ситуацию в стране и в Москве, и все это – немного с детективным уклоном. Главный герой книжки, которую про себя Федор иронично называл «романом», занимался таким близким автору строительным бизнесом, вокруг которого заворачивался весьма увлекательный сюжет. Федор чувствовал, что «роман» получается интересным и вполне «забойным». Правда, никак не приходила в голову некая основополагающая часть интриги, но Федор чувствовал, что она придет, что что-то обязательно подведет его к ней.

Ирина знала, что муж «что-то там пишет», но относилась к этому скептически и не стеснялась это высказывать. Так что когда с полгода назад она тоном, не терпящим пререканий,

объявила мужу о том, что нашла для него работу, а Федор, даже и не думая возражать, всего лишь риторически спросил: а когда же, мол, он теперь будет писать, ведь надо же заканчивать книгу, – Ирина взорвалась, как вулкан Кракатау. Правда, она быстро взяла себя в руки, и извержение было недолгим. Но страшным. Федор еще никогда, включая и тот первый «разгром», не узнавал о себе столько негатива за такой короткий промежуток времени. Ирина впервые открыто назвала литературное увлечение мужа «времяубийством» и «бредятиной», а самого Федора – «вещью малопригодной в быту» и «романтиком хреновым». В заключение прозвучала сентенция о том, что только полный идиот может променять бумагомарание на ТАКУЮ работу, а с идиотом она жить не собирается. Федор ставить перспективы семейной жизни под угрозу не собирался, на работу, разумеется, пошел и с тех пор о своем писательстве в присутствии супруги больше не поминал, урывая для окончания «романа» время в основном в выходные.

Надо признать, что работу Ирина подыскала для мужа и денежную, и интересную. Как и в свое время вакансию для себя самой, Ирина нашла это место через свою давнюю, еще с институтских лет, подругу Ольгу Куницыну. Ее муж Алексей возглавлял компанию под названием «Лого-Строй», занимавшуюся инвестициями в строительство недвижимости. Отправляясь на собеседование, Федор примерно представлял, что «Лого-Строй», подобно многим расплодившимся за годы строительного бума в Москве аналогичным компаниям, находит в столице земельные участки под застройку и, возведя на них то, что на казенном языке именуется «объект недвижимости», затем выставляет построенные площади на продажу. Спрос на такие новостройки в столице был устойчиво велик, а особенно популярным было так называемое «элитное» жилье в престижных районах. На встрече с Алексеем Куницыным это представление Федора о компании, где ему предстояло работать, полностью подтвердилось с той лишь поправкой, что занимался «Лого-Строй» не жильем, а объектами «административного назначения». Вернее, по крайней мере в настоящий момент, строился всего один «объект», правда, весьма и весьма крупный даже по столичным меркам.

На территории старейшего московского завода «Конвейер» «Лого-Строй» возводил трехэтажную надстройку над главным сборочным корпусом для последующего размещения в ней офисов, контор и тому подобной «недвижимости коммерческой направленности». Целый этаж, по слухам, собирался занять известный банк. Количество квадратных метров этой надстройки, которое эдак небрежно обронил в разговоре глава «Лого-Строя» – почти пятьдесят тысяч – внушало уважение не только само по себе. Федор, быстро помножив в уме эту площадь на пятьсот долларов, – а такова в Москве минимальная себестоимость «усредненного квадратного метра», – получил в результате двадцать пять миллионов и проникся уважением также и к объему средств, которыми ворушал Алексей Куницын.

Вот на этом-то объекте Федору и предлагалось в течение обозримого будущего трудиться в качестве так называемого «технадзора», то есть инженера, основные обязанности которого состояли в контроле за качеством строительных работ. За эту непыльную работенку господин Куницын готов был платить восемьсот американских долларов в месяц. Такая сумма хоть и не была по современным меркам манной небесной, но небогатый бюджет семьи Ионычевых почти удваивала, и Федор, не раздумывая, согласился.

Такая работа для Федора, за годы «государевой» службы возводившего объекты и покрупнее, и посложнее, была проста и понятна. Коллектив в «Лого-Строе» тоже подобрался нормальный, так что Федор быстро освоился и на стройке, и в конторе. Единственное, что сначала немного тяготило, – это строгий график работы. К девяти утра обязательно нужно было быть на заводе, и до обеда – были реальные дела, не было ли, – предписывалось находиться там, «осуществлять технический надзор». К трем нужно было прибывать в офис и там торчать строго до шести, каковое время надлежало «работать с документацией». Документацию же эту,

то есть рабочие чертежи, по которым велось строительство, Федор по многолетней привычке запоминал наизусть с первого просмотра.

В общем, кроме ежедневного доклада начальнику, как правило, сводившемуся к фразе: «Все в порядке, шеф!», делать в конторе нечего было совершенно. Федор изнывал от скуки, втихоря разгадывал кроссворды, чего, глядя, как его коллеги по офису корпят не поднимая головы, попервоначально даже стеснялся. Потом, приглядевшись и поняв, что атмосфера общей пахоты – чистой воды фикция и на самом деле каждый тоже по-своему убивает время, стесняться перестал и решил наполнить часы вынужденного безделья содержанием.

Небывалое дело по нынешним временам, но компьютер в офисе был один – у секретарши Юли. Конторская дива, по слухам, была директору «из своих» и, вероятно, в связи с этим обстоятельством умениями, необходимыми современной секретарше, не блистала. В частности, быстро печатать она не могла, щелкала по клавишам двумя пальцами, а ее длиннющие, под стать ногам, искусственные ногти не оставляли ей никаких шансов в ближайшие пару лет в этом деле преуспеть. Собственно, печатной работы у нее было немного, но уж когда подваливало, бедная Юля за безупречный маникюр платила по полной, засиживаясь с печатанием документов чуть не полночь. Федор же, которому за время его писательства текстовый редактор «Майкрософт Ворд» стал за старого приятеля, скорость набора на «клаве» имел изрядную.

Смекнув это дело, в один такой раз, когда в конце рабочего дня на Юлином столе выросла кипа рукописных листов, которые к утру должны были превратиться в безупречный с точки зрения грамматики и оформления договор, Федор предложил девушке свою помощь, каковую та приняла с нескрываемой радостью. Федору это стоило какого-то часа сверхурочной работы, но с той поры все бумаги, которые по долгу службы ему время от времени приходилось составлять, Федор получил официальное право набирать на компьютере сам. Разумеется, с умным видом сидя перед экраном монитора, девяносто процентов времени Федор посвящал не актам приемки выполненных работ и служебным запискам, а своему «роману».

Неудивительно, что написание книги с мертвой точки сдвинулось и быстро пошло вперед. Придумалась наконец-то и интрига, на отсутствии которой, собственно, Федор и буксовал. В общем, пару месяцев назад Федор с победоносным видом, сыграв в голове туш, с размаху стукнул по клавише с символом точки, эту самую точку в конце «романа» и поставив.

Но написать книгу – это меньшая часть дела, самое трудное – опубликовать ее. И что для этого нужно делать, представлялось лишь в самых общих чертах. Федор начал с самого начала. В пухлом справочнике «Желтые Страницы» он открыл раздел «Издательства» и прошерстил его весь. Издательств в Москве оказалось много – более четырехсот, и только на то, чтобы обзвонить их все, могло уйти и месяц, и два. К счастью, иногда сами названия, типа «Медицинская книга» или «Техническая литература», – уже позволяли отсеять такие издательства. Но даже тех, чьи названия звучали вполне индифферентно, осталось около сотни. Федор крикнул и засел за телефон.

Свой «роман» сам автор преподносил как «книгу о современной жизни с детективным уклоном», и чаще всего на том конце провода с разной степенью скуки в голосе отвечали, что такая тема издательству не подходит. Золотыми крупинками среди гор пустой породы звучали ответы: «Ну приносите, почитаем». Таких в результате набралось пять.

Федор купил две пачки бумаги для принтера, в очередной раз напросился помочь Юле и, оставшись после рабочего дня в офисе один, распечатал пять экземпляров рукописи. И только уже запаковав пачки листов в заранее подготовленные большие конверты, сообразил, что нигде не указал свое авторство. Надо было бы, конечно, перепечатать первые листы, но не было больше конвертов, и Федор фломастером на каждом пакете от руки крупно вывел псевдоним, казавшийся ему очень удачным: «Александр Агатов». И номер своего мобильного.

В один из дней он взял отгул и развез рукописи по заинтересовавшимся издательствам. На прочтение везде брали не меньше месяца, и потянулось томительное ожидание. Первым

пришел ответ из самого крупного и известного издательского дома, чьими «дюдиками» в мягких обложках были наводнены ларьки Роспечати и книжные развалы. Корифеи книгопечатного бизнеса вежливо расшаркивались, давали «роману» высокую художественную оценку, однако же со словами «...сугубо социальная ориентированность сюжета выводит книгу за привычные границы жанра, что снижает ее коммерческую привлекательность» публиковать отказывались. Федор подивился затейливости формулировки и стал ждать ответа из других издательств.

Три из них последовали вскоре, но тоже были отрицательными. Федор впал в уныние. Но дней десять назад ему на мобильный раздался звонок, и дама, представившаяся Дашей Копейниковой, редактором из издательства «Фаэтон», прокуренным басом Фаины Раневской с места в карьер сообщила, что книга лично ей очень понравилась и она рекомендовала ее к опубликованию. Уважаемый автор не против? У Федора от неожиданности перехватило дыхание, и он только что-то невнятно промычал в ответ. Редактора Дашу такое красноречие, видимо, позабавило, и она громоподобно и эдак чуть покровительственно рассмеялась:

– Ну, вот и славно. Наш главный гриппует, поэтому на этой неделе редакционного совета не будет. Придется вам набраться терпения до следующей среды, ладно?

– Ладно, чего уж, потерпим, – выдавил из себя первую связную фразу Федор.

– Отлично! – гулко воскликнула Даша. – Тогда вы мне звоните в среду после обеда, часика в четыре, в пять. Я думаю, к тому времени все уже случится.

– А чего должно случиться-то? – совсем уже придя в себя, решился на вопрос Федор.

– Как чего? – не поняла Даша. – На редакционном совете принимается решение о том, подписывается книга к печати или нет. Конечно, никто мое мнение оспаривать не будет, но – официоз, знаете ли.

– А-а, – содержательно прокомментировал информацию Федор. – Ясно.

– А вы, Александр, похоже, автор еще совсем молодой? – хмыкнула в трубку Даша. – Это у вас какая по счету книга?

– Да первая, однако, – чуть не поперхнулся, услышав обращение к себе по вымышленному имени, Федор.

– Надеюсь, не последняя! – воскликнула Даша. – У вас получается, вам обязательно нужно писать!

– Значит, буду, – не стал спорить польщенный Федор, чувствуя, что беседу на эту тему мог бы поддерживать бесконечно долго.

– Да, и еще мне нужны ваши данные, – бесцеремонно увела разговор в сторону Даша.

– Какие данные? – не понял Федор.

– Для авторского договора, – тоном терпеливой училки младших классов пояснила Даша. – Фамилию и имя я знаю, нужно отчество, прописка, ну и все прочее.

– Вообще-то я пишу под псевдонимом, – признался, почему-то краснея, Федор.

– А гонорар вы будете тоже под псевдонимом получать? – съехидничала Даша. – Бухгалтерия деньги выдает по реальным паспортным данным.

– А что, и гонорар будет? – воскликнул Федор.

– А как же? – удивилась Даша. – Написали – получите! Конечно, миллионером с одной книги вы не станете...

– Но хоть на банкет-то по такому поводу хватит? – перебил редакторшу разошедшийся Федор.

– Если для узкого круга лиц, то и не на один, – понизив голос чуть не до инфразвука, со смехом уверила Федора Даша.

– Ну тогда записывайте! – махнул рукой Федор, доставая паспорт.

В ответ Даша сообщила Федору свои редакционные телефоны, и они распрощались. Только выключив трубку, Федор понял, насколько он счастлив.

Сегодня было утро той самой долгожданной среды. Как в институтские времена перед экзаменом, Федор особенно долго скреб себя бритвой и особенно тщательно драил зубы щеткой. В завершение утренних процедур он по армейской привычке умылся ледяной водой и, оставшись чуть меньше, чем обычно, недовольным своим отражением в зеркале, вернулся на кухню.

Чайник как раз вскипел, и конфорка раскалилась докрасна. Федор достал пачку кофе, автоматически отметил, что напиток заканчивается, засыпал четыре чайных ложки ароматного порошка в турку, залил кипятком и поставил на плиту. Через несколько секунд кофе вспенился в узком горлышке шапкой мелкопузыристой пены, до ужаса напоминающей знаменитую прическу Анжелы Дэвис, и Федор снял турку с плиты.

Прежде чем быть налитым в чашку, напитку нужно было пару-тройку минут отстояться, и во время этой паузы в годами отработанном утреннем ритуале Федор Ионычев обычно включал стоящий на подоконнике маленький телевизор, чтобы посмотреть новости.

В стране и в мире творилось все одно и то же – разбивались машины и самолеты, люди убивали друг друга в войнах и на бытовой почве, планета Земля насылала на своих неразумных детей землетрясения, цунами и прочие беды. От льющейся с экрана безнадеги Федора аж передернуло. Решив посмотреть что-нибудь более жизнерадостное, он фехтовальным выпадом простер в сторону «ящика» руку с пультом. Последнее, что он увидел по новостному каналу, был сюжет о том, что на таджикско-афганской границе задержали целый караван с героином и фальшивыми долларами, причем качество последних оказалось настолько высоким, что подделки беспрепятственно проходили через любые детекторы. Лишь информация от самих проводников, в один голос заявивших, что везли фальшивки, заставила выдавших виды пограничников усомниться в подлинности купюр.

Федор хмыкнул, поражаясь искусности неизвестных фальшивомонетчиков, и переключил программу. И тут же резко обернулся, почувствовав спиной чей-то взгляд. В дверях кухни, накинув на плечи одеяло, стояла Ирина.

– Ой, Ир, ты меня напугала! – улыбнулся жене Федор. – Доброе утро! Чего не спишь?

– Сам вскочил ни свет ни заря, – не отвечая на приветствие, констатировала, хмуро прищурившись на мужа, Ирина. – Куда собрался-то в такую рань? На свидание?

Ни на секунду не допуская, что Ирина может его ревновать, Федор пропустил жёнину реплику мимо ушей и только кротко улыбнулся, давая понять, что шутку оценил.

– Да нет, просто не спится что-то, – пожал он плечами, помедлил и добавил: – Сегодня – я говорил тебе, если помнишь, – книжку мою должны к печати подписать...

Не закончив фразу, Федор замолчал, ожидая реакции Ирины. Скепсис жены по поводу своего писательства Федора ужасно огорчал, и он не оставлял надежды это положение дел рано или поздно изменить.

– Я впечатлена! – не скрывая сарказма, фыркнула в ответ Ирина, давая понять, что за последние полгода ее отношение к «бредням» мужа существенных изменений не претерпело.

– Даже гонорар обещали заплатить, – стараясь не обращать внимание на Ириного ехидство, выбросил на стол тщательно скрываемый им ранее козырь Федор, но, похоже, сделал этим только хуже.

– Не так деньги надо зарабатывать, Ионычев! – повысила голос, уперев руки в боки, Ирина. – Не так!

– Ты, конечно, знаешь, как? – позволил себе кротко съехидничать Федор.

– Я – знаю! – безапелляционно ответила Ирина, поставив жирный акцент на слове «я».

Эти ее слова прозвучали так, что если Ирина до сих пор еще не стала зарабатывать истинно больших денег, то это точно случится в самом ближайшем будущем. Хотя справедливости ради приходилось отметить, что на своих двух работах Ирина и теперь получала в совокупности побольше того, что приносил в семейный бюджет Федор.

Он смотрел на Ирину, стоявшую с решительно нахмуренными бровями и сжатыми губами в позе мальчишки-драчуна, готового кинуться в свалку, и думал о том, какая все-таки его жена красивая!

С точки зрения общепринятого разделения женских типов «по мастям» Ирина была, разумеется, блондинка, но на этом возможность описать ее красоту общепринятыми штампами исчерпывалась.

Ее волосы были не просто светлые – они имели удивительный оттенок, который в зависимости от освещения менял их цвет от соломенного до русого. В чертах ее удлинённого лица угадывались и европейские, и славяно-скифские предки, а глаза могли быть по настроению и небесно-голубыми, и серо-стальными. Очаровательная юная девушка, какой была Ирина, когда они познакомились, к ее нынешним тридцати четырем стала восхитительной зрелой женщиной, как свежий тугой бутон, распустившись, превращается в ослепительную розу. Причем несмотря на то, что и беременность, и роды прошли тяжело, и кормила Полину своим молоком Ирина чуть не до двух лет, ей удалось не набрать ни килограмма лишнего веса, а ее грудь осталась по-прежнему остроконечной и упругой.

В течение всех последних без малого одиннадцати лет, что они были знакомы, Федор не уставал поражаться тому, насколько же Ирина красива! Безусловно, она была самой красивой женщиной в его жизни, самой яркой звездой в созвездии тех, кого он когда-либо любил. Эдакой, выражаясь языком астрономов, Альфой Любви.

Они познакомились, как это ни банально, в кино. В Москве тогда шел «Крамер против Крамера», и даже никак не претендовавший на реноме записного эстета Федор захотел посмотреть картину, несколько лет назад получившую пять «Оскаров», и которую всевидящая советская цензура по перестроечным соображениям решила все же показать советскому зрителю. Продвинутых киноманов в Москве было достаточно, и за парой билетов Федор отстоял по приличному морозцу больше двух часов. Но ко дню, указанному на билетах, тогдашняя Федорова пассия простудилась и, испытывая ответственность за нераспространение инфекции, твердо сказала, что в кино не пойдет. Из чувства солидарности он решил было не ходить тоже, но был буквально вытолкан на просмотр картины с обязательством пересказать содержание в мельчайших подробностях.

Перед сеансом нужно было еще продать лишний билет, но среди кишачей народом лестницы кинотеатра «Россия» проблемой это явно не было. Красивая, вернее, очень красивая молодая женщина в крашеной ондатре остановилась рядом с Федором, точно уловив его намерения, еще до того, как он достал билет из кармана. На перехват «лишнего билетика», как голуби на хлебный мякиш, сразу же бросились человек пять или шесть, но женщина с победоносной улыбкой на тщательно подведенных яркой помадой губах уже сжимала в пальцах вожаденную синюю бумажку. Пока она расплачивалась за билет, Федору даже сквозь ее неординарную красоту бросилось в глаза, что, будучи на первый взгляд очень хорошо и недешево одетой, обтягивающие ее тонкие длинные пальцы перчатки были тонки не по сезону, а набирая нужную сумму, она вытаскивала из недр кошелька едва ли не все его содержимое, последний рубль складывая серебром и медью.

На просмотре они, естественно, сидели рядом, и Федор, ощущая тонкий аромат духов незнакомки, не мог удержаться от того, чтобы время от времени тайком не скашивать глаза на ее остро выточенный профиль. Он видел, как ее глаза следили за волнующим действием фильма, время от времени наполняясь едва сдерживаемыми слезами. В конце фильма она все-таки тихо разрыдалась и, явно устыдившись этого, поверх платка кинула на Федора быстрый взгляд. Федор ободряюще улыбнулся в ответ и протянул соседке руку помочь подняться с кресла. Ее взгляд потеплел, она пробормотала: «Спасибо», а Федор подумал, что эти покрасневшие от слез глаза делают незнакомку очень похожей на потрясающую Мишель Пфайфер из «Иствикских ведьм», которых Федор недавно по случаю видел у кого-то в гостях по стреми-

тельно входившему тогда в моду видео. И еще Федор ощутил тоненький укол досады от того, что женщина сейчас встанет и уйдет и он больше никогда ее не увидит. Конечно, он мог бы сам форсировать знакомство, но сознательно не хотел этого делать, потому что небезосновательно считал, что сердце его занято той самой хворающей пассивностью, а Федор был человек слова. Но тут произошло событие из тех, что, невзирая на кажущуюся малозаметность, меняют иногда жизнь – по крайней мере, жизнь небольшого числа вовлеченных лиц.

Поднимаясь, женщина вдруг охнула и снова упала в кресло, с болезненной гримасой потянувшись рукой вниз, к лодыжке.

– Что случилось? – совершенно естественно озабочился Федор, а женщина с растерянным видом уже показывала ему отвалившийся от ее модельных, хотя тоже не по сезону тонких сапог длинный каблук.

– И еще я, кажется, ногу подвернула, – с нотками извинения в голосе произнесла она. – Мне очень неудобно, но вы мне не поможете?

Повреждение голеностопа оказалось несерьезным, но вкупе с потерянным каблуком делало самостоятельное передвижение невозможным. В наше время помощь в подобной ситуации могла бы заключаться в содействии визиту в ближайший работающий допоздна обувной магазин или определение пострадавшей в первое же подскочившее такси, но в ту эпоху ненавязчивого сервиса советских граждан подобными излишествами содействительность не баловала. Стало ясно, что женщину нужно сопроводить до дома, который оказался в Кунцево – по счастью, прямо у станции метро.

– Меня зовут Ирина, – первой представилась спутница Федора, когда он помогал ей надеть шубу. – Ирина Кротова.

– Федор, – ответил он. – Федор Ионычев.

– У вас очень интересная фамилия, – улыбнулась Ирина. – Никогда не задумывались над ее происхождением?

– Нет, – пожал плечами Федор, подставляя Ирине руку – опереться.

Они двинулись от кинотеатра к метро «Пушкинская», потом долго, с двумя пересадками, ехали до Кунцево. Ирина еле могла наступать на больную ногу, всю невеликую тяжесть своего тела перекладывая на Федора. И, конечно, всю дорогу они говорили. Вернее, в основном говорила Ирина. После рассказа о корнях Федоровой фамилии (скорее всего, кто-то из его дальних предков был тезкой библейского пророка Ионы и, достигнув в жизни, что называется, «степеней известных», основал род, носящий фамилию, основанную на его имени).

Потом разговор пошел о только что просмотренном фильме. Ирина восторженно комментировала игру Дастина Хоффмана и Мерил Стрип, сыпала фамилиями американских актеров и названиями незнакомых Федору киношедевров.

Потом разговор перекинулся на литературу. Тут с детства начитанный Федор почувствовал себя более уверенно, но быстро выяснилось, что он не читал ни современников вроде хитового «Альтиста Данилова» Владимира Орлова, ни классики советского андеграунда типа «Утиной охоты» Вампилова или «Москва-Петушки» Венечки Ерофеева, ни диссидентов в лице, к примеру, не столь уже и запрещенного Василия Аксенова.

В первый раз в жизни Федор общался с женщиной не только красивой, но и если не умнее, то явно более образованной и начитанной, чем он сам. И чем дальше «в лес», то есть вперед по голубой ветке Московского метрополитена, тем меньше Федору хотелось, чтобы это общение закончилось у двери подъезда Иринино дома в Кунцево.

У этой самой двери горел яркий фонарь, и Федор впервые рассмотрел Иринино лицо, которое и в кино, и в вагонах метро было большей частью обращено к нему профилем или, в лучшем случае, вполоборота. Да, она была сногшибательно красива. Большие глаза, тонкий нос, чувственные губы, безупречный овал – с таких лиц пишут портреты, их обладательницы снимаются в кино, становясь эталонами женской красоты.

Федору не верилось, что такая женщина стоит рядом, говорит с ним, держит за руку. И что она не замужем и живет здесь в двухкомнатной квартире с мамой. И все же после неизбежного: «Ну, вот вы и дома» Федор, скорее всего, повернулся, ушел бы, и они никогда больше не встретились, если бы уже в дверях Ирина не сказала:

– Если хотите, позвоните мне, Федор. У меня очень простой телефон. Сто сорок три, сорок три, тридцать четыре.

Всю дорогу до дома Федор удивлялся тому, как он умудрился, вряд ли за весь вечер сказав больше нескольких десятков слов, произвести на такую красавицу такое впечатление. И хотя на ум сразу же приходило булгаковское: «Окончательно уверен я, что в моем происхождении нечисто. Тут не без водолаза», вызывая у Федора самоиронический смех, но, как говорится, факт был налицо, и это очень льстило его самолюбию. Ему становилось от этого стыдно, но оно все равно льстило.

Весь следующий день Федор порывался позвонить своей недужающей пассии, но в результате к вечеру набрал Иринин номер. Назавтра они встретились, и встречались следующие три дня. Вечером пятого дня их знакомства они пили чай в квартире в Кунцево, по какому-то случаю свободной от присутствия Ириной мамы. Федор сделал Ирине предложение как-то неожиданно для себя самого и совершенно обдуманно в то же время, сознательно зачеркивая все, что было в его жизни раньше. Ирина долго и серьезно смотрела на Федора, и ее глаза на глазах меняли свой цвет, из тревожно-серых становясь беззаботно-голубыми. Потом она, словно обозначая принятие окончательного решения, тряхнула головой и решительно начала расстегивать пуговицы на кофточке. На следующий день они подали заявление в ЗАГС.

Сейчас, вспоминая все это, Федор снова испытывал чувство крайнего удивления, что Ирина согласилась так быстро. Ведь он, по сути, не предпринял к этому никаких усилий, счастье иметь рядом с собой столь красивую женщину свалилось на него случайно, даром. И поэтому все время их супружества он из кожи вон лез, чтобы соответствовать, чтобы у Ирины не было повода пожалеть.

Первые десять лет все получалось. Федор, ощущая себя эдаким мощным локомотивом, без устали тащил их семейный состав. Ирина не без видимого удовольствия изображала головной вагон, послушно следующий за локомотивом, и подобное каноническое распределение матримониальных ролей гарантировало семейную идиллию. Через полгода после того, как у Федора начались проблемы, в экономическом смысле уже вагон толкал локомотив, но в устоях семьи Ионычевых все было, на первый взгляд, по-прежнему.

Но тишь да гладь были обманчивы: буря зрела, просто Федор, погруженный в переживания, этого не замечал. То, что она грянула, стало для Федора откровением. Он не узнавал свою жену, не верил, что это она, всегда мягкая, интеллигентная, тактичная, а не какая-то разъярившаяся фурия, ни капли не стеснясь в выражениях, швыряла в него тяжелые комья обвинений в несостоятельности и никчемности.

С того дня в Федоре отношение к жене стало постепенно раздваиваться. С одной стороны, она продолжала оставаться для него любимой женщиной, «моей Ирушей», как он всегда называл ее про себя, от одной мысли о близости с которой сразу начинал бурлить весь организм. С другой – она была теперь для него кем-то вроде инспектора, арбитра, верховной инстанции, перед которым ответственен, кому подотчетен, чуть ли не начальником, прежде чем заговорить с которым, хотелось откашляться, чтобы не дрожал предательски голос.

К осознанию своей новой роли в семейном тандеме, к новому месту в составе Федор пришел не сразу. Сначала, прокручивая раз за разом в голове сцену первой в его мужской жизни выволочки, он неизбежно пришел к отрицанию позиции жены. Она вела себя, как будто бы не было предшествующих обвалу «тучных» лет, и так, словно жена по всем писаным и неписанным канонам не обязана, дав – перед Богом или людьми – обет верности мужу, вместе с ним, как образно сказано в армейском уставе, «сносить все тяготы и лишения». Но такая

собственная позиция в пределе диктовала ответные шаги вплоть до ухода с громким хлопанием дверью, к которым Федор готов не был, потому что он любил Ирину. И еще – он любил их дочь Полинку.

Именно Полинкину болезненность Федор сделал в своих собственных глазах оправданием столь радикальному изменению в отношении Ирины к себе. Беременность не стала для Ирины легкой прогулкой, а после рождения проблемы только усугубились. Вопрос Полинкиного здоровья стал для Ирины не просто пунктиком, а самоцелью, фетишем. Федор не мог не отдавать себе отчета, что именно его неспособность (чего уж там, нужно называть вещи своими именами!) решить жилищный вопрос, увести семью из inferнального Коровино с последующим своим погружением в деструктивное уныние стали для Ирины поводом для превращения в Медузу-Горгону. Он нашел объяснение Ирининым действиям, он понял ее и, как следствие, сразу же простил. И со своей новой семейной реальностью смирился, молча снося ставшие регулярными Иринины разносы. В такие моменты сам себе он напоминал боксера-лузера, у которого уже нет сил сопротивляться, и он молча терпит трепку, мечтая лишь об одном – когда можно будет, не теряя лица, упасть и с облегчением услышать означающее конец мучений громкое «Аут!» у себя над головой.

И еще он пришел к тому, что рано или поздно платить в этой жизни приходится за все. За тот вечер в квартире в Кунцево, за лаконичное Иринино «Да!» всего лишь на пятый день их знакомства Федор сейчас платил ее отчужденностью, упрямой уверенностью, что во всем виноват он один, ее категорическим нежеланием быть «женой декабриста». Да, последнее время Федор все чаще ловил себя на мысли, что жена, как некая доставшаяся ему драгоценность, оказалась слишком красива и ярка, что груз ответственности за обладание такой красотой для него слишком тяжел. И тем регулярнее такие мысли приходили ему в голову, чем чаще глаза жены при взгляде на него были не нежно-голубыми, а холодно-серыми.

Сейчас же они и вовсе метали молнии, но в сочетании с творческим беспорядком на голове и *haut couture* в виде одеяла, накинутого на решительно вздернутые плечи, это только добавляло Ирине шарма. Несмотря ни на что, Федор обожал жену в любых проявлениях ее непростого характера и даже сердиться на нее по-настоящему не умел. Ругаться же с нею было для него и вовсе немыслимо, поэтому сейчас в ответ на Иринину тираду он только вздохнул и, терпеливо улыбнувшись, спросил:

– Кофе будешь?

– Нет! – отрезала Ирина, развернувшись на месте, полами одеяла чуть не смахнув турку со стола, и сердито вышла с кухни.

М-да, за последние пару лет картины семейного быта Ионычевых все чаще начинали более напоминать изображения бушующего океана, чем сентиментальные пасторали, какими они когда-то ему казались. «Сам виноват!» – подумал Федор, сокрушенно покачал головой и сел завтракать.

* * *

На улице, как всегда бывает в оттепель, во всем ощущалась влажность. Старенькая «шаха», к счастью, не проданная в благополучные времена, когда Федор рассекал на «мерине», долго содрогалась всем своим отсыревшим за ночь нутром, но на последнем издыхании стартера все-таки завелась. Федор прогрел двигатель машины приличествующее ее почтенному возрасту время и, пробуксовывая лысоватыми покрышками по подтаявшему снегу, отправился в свой ежеутренний рейс на завод.

Несмотря на будний день, на дорогах было относительно свободно. Федор любил ездить быстро, умел делать это даже в постоянных московских пробках, а сейчас, когда движение позволяло, он продвигался и вовсе без проблем. При этом даже когда под Федором была не

убитая «шестерка», а престижная иномарка, на дороге он всегда вел себя как джентльмен – не моргал нетерпеливо фарами плетущемуся впереди «чайнику» и не жал истерично на клаксон, подгоняя какую-нибудь засидевшуюся на светофоре дамочку с буквой «У» на стекле. Свой стиль вождения сам он называл «сквозить, как нож сквозь масло», имея в виду, что искушенный водитель практически всегда может двигаться существенно быстрее потока, сам при этом никого не «подрезая» и своими маневрами никому не мешая.

Но сегодня «лабиринты» Федора из ряда в ряд кому-то не понравилось. А может быть, водителя начерно затонированного джипа «Мерседес-Геландеваген», за рубленые формы кузова прозванного «чемоданом на колесах», просто жаба заела, что какая-то «шаха» едет быстрее него. Как бы то ни было, но, пристроившись за несколько машин от Федора еще на развилке Коровинского шоссе с Дмитровкой, у Петровско-Разумовской «Геландеваген» уже висел у «шестерки» на хвосте. «А, ты бодаться?!» – усмехнулся про себя Федор, которому постоянное маяченье треугольной мерседесовской звезды в зеркале заднего вида начинало действовать на нервы.

Он резко повернул руль и влез в узкую щель между двумя машинами слева. В правом ряду тоже открылся просвет, и Федор немедленно нырнул в него, за несколько секунд сразу оказавшись на несколько машин впереди «Геландевагена». Тот засуетился, попытался повторить маневр, но «калитка» уже давно захлопнулась, а сердитый сигнал не менее крутого «Рейндж-Ровера», перед которым попытался протиснуться преследователь Федора, вернул «Геландеваген» на место. Федор еще несколько раз выполнил такую же «перестановочку» и окончательно оторвался от «чемодана», оставив его в окружении раздраженно библикающих иномарок далеко позади.

«Понакупляли «Мерседесов», а ездить научиться позабыли», – усмехнулся Федор, посылая преследователю воздушный поцелуй. Но пора было уходить с Дмитровки в сторону Ленинградского проспекта, и, перед перекрестком с улицей Руставели включая поворотник направо, Федор уже забыл о незадачливом гонщике на «Геландевагене».

Завод «Конвейер» уютно пристроился в глубине огромной треугольной проплешины в плотной городской застройке, одной стороной своей территории подходя почти к самой Ленинградке, а двумя другими гранича с Илюшинским авиакомплексом и Ходынским полем. Фасады жилых домов, тянувшихся от стадиона Юных Ленинцев до Аэропорта почти сплошной линией, надежно скрывали высоченный заводской забор от людских глаз, и большинству горожан даже невдомек было, что чуть не в сердце Москвы уже больше полувека стоит и работает промышленное предприятие, по площади равное иному столичному району. К этому большинству принадлежал и коренной москвич Федор Ионычев, впервые услышавший о заводе «Конвейер» только придя на работу в «Лого-Строй».

Но с тех пор завод стал ему как дом родной. Одетые в ветхозаветные форменные бушлаты с перекрещенными винтовочками на зеленых петлицах бабушки-старушки, дежурившие при заводских воротах, машину Федора уже знали и пропускали его на территорию, не требуя предъявления пропуска. Как обычно, проезжая мимо них, Федор в знак благодарности наклонил голову, что очень нравилось стареньким охранницам, некоторые из которых работали на заводе чуть не с самого его основания. Федор припарковал машину на стоянке и пешком направился к месту своей работы.

Главный сборочный корпус завода «Конвейер» был громаден. Начинаясь у самой проходной, он гигантской змеей, несколько раз поворачивая, петлял по всей территории завода и заканчивался почти у того места, где начинался. Собственно, завод и был по сути этим одним гигантским цехом. Длинной он был чуть не километр, и все остальные заводские постройки, коих насчитывалось чуть не три десятка, служили лишь для обеспечения его работы. Поэтому заводчане по привычке называли «Конвейером» не только завод, но и сам ГСК, не делая между

этими понятиями большой разницы. Контролем за ведением работ по надстройке «Конвейера» и занимался Федор Ионычев, инженер технического надзора компании «Лого-Строй».

Федор еще только подходил к первому подъезду корпуса, как из дверей навстречу ему выскочил, прихрамывая, Юра – прораб строительной фирмы, которая на подряде у «Лого-Строя» вела собственно стройку. Правда, на самом деле его звали не Юра, а Юнус, потому что по национальности он был таджик. Таджики были и рабочие на стройке, и вся фирма «Сервисспецстрой», хоть и была зарегистрирована в Москве, была, по сути, таджикской. Поэтому Федор в шутку переделал это название в «Салямспецстрой», которое всем понравилось да с тех пор так и прижилось.

– Ассалям алейкум, товарищ технадзор! – еще издавек закричал Юра Федору.

Федор, хотя слышал это приветствие пять дней в неделю, не смог сдержать улыбки. Юра, которому было уже за пятьдесят, был выходцем из той, советской эпохи, и все его привычки и манера общения были соответствующими. У немалого коллектива, работавшего на стройке, Юра-Юнус пользовался непререкаемым авторитетом, проистекавшим из двух его качеств. Во-первых, в отличие от большинства своих молодых земляков, он неплохо говорил по-русски, а во-вторых, у себя на родине в горном ауле у него было три жены. В детстве Юра упал с лошади и с тех пор остался хромым, что не мешало ему быть очень подвижным. Вот и сейчас он проворно подскочил к Федору, закланялся, прижимая ладонь к сердцу, а когда Федор протянул ему руку, затряс ее обеими своими руками.

– Валекум ассалям, Юнус-ага! – отвечал на приветствие Федор, со времен своего военно-строительного прошлого помнивший несколько универсальных фраз на основных среднеазиатских языках.

Прораб Юра, которому величание «ага», то есть «старший», явно было маслом по сердцу, совсем расцвел, заулыбался морщинистым смуглым лицом, всем своим видом выражая готовность служить высокому начальству, каковым являлся для него Федор.

– Сколько бетона за ночь приняли? – перешел от расшаркиваний к делу Федор.

– Совсем много, товарищ технадзор, – с готовностью отвечал Юра, смешно выпучив глаза и обрисовав в воздухе руками что-то круглое, что, вероятно, должно было символизировать очень большое количество уложенной в конструкции бетонной смеси. – Десять миксеров, однако, принимали.

«Пятьдесят кубов, – прикинул про себя Федор. – Да, прилично!»

– А как насчет качества работ? – строго нахмурил брови Федор. – Провибрировали бетон хорошо? Прогрев включили?

– Все вибрировали, все включали! – масляным голосом зачастил Юра, снова прикладывая руку к сердцу. – Пойдем, товарищ технадзор, сам посмотришь!

– Пойдем, Юра, обязательно пойдем, – засмеялся Федор, первым заходя в подъезд.

По узкой темной лестнице они с Юрой поднялись на чердак, пролезли через узкий лаз слухового окна и оказались на стройплощадке. Здесь кипела работа.

Одни таджики в одинаковых синих утепленных куртках и оранжевых касках железными крючками вязали арматуру колонн, другие с помощью крана одевали уже готовые арматурные каркасы в щиты опалубки, третьи ворочали толстым шлангом бетононасоса, заливая в конструкции густой серо-зеленый бетон. Надсадным звуком, напоминавшим жужжание огромного роя рассерженных пчел, гудели вибраторы, которыми уплотняли свежий бетон. Сверкали звезды электросварки, звенел звонок башенного крана, стропальщики на чистом русском с легким таджикским акцентом кричали «вира!», «майна!» и «давай-давай!». В общем, было весело.

Да, надо отдать «Салямспецстрою» должное – работали таджики быстро, причем круглые сутки, и надстройка над «Конвейером» росла не по дням, а по часам. На том месте, где сейчас стояли Федор с Юрой, еще на прошлой неделе была старая железная крыша корпуса, а сейчас

возвышалось уже два новых этажа. По прикидкам Федора, при таких темпах надстройка над всем «Конвейером» могла быть готова к середине мая.

Сопровождаемый Юрой, Федор обошел всю стройку, тщательно проверил выполненные за ночь работы, проконтролировал ведение многочисленных журналов и остался всем этим удовлетворен. Потом обсудил с приехавшими на стройку проектировщиками кое-какие технические вопросы, после чего пообедал в заводской столовой.

Когда, покончив со всеми делами, Федор уже направлялся на стоянку, чтобы ехать в офис, ему навстречу попался главный энергетик завода Виктор Николаевич Соколов, общительный толстяк, с которым Федор был в добрых отношениях. Федора уже поджимало, чтобы к трем не опоздать на доклад к начальнику, но о том, чтобы не перекинуться с жизнерадостным энергетиком парой слов, не могло быть и речи.

– Как на дрожжах растет стройка-то, – с улыбкой кивнул на возвышавшийся над корпусом башенный кран Соколов, крепко пожимая Федору руку. – Не боишься ты, Федор Андреич?

– А чего я должен бояться-то, Виктор Николаевич? – не понял Федор, поворачивая голову в направлении взгляда энергетика. – Что кран упадет, что ли?

– Что корпус упадет! – хохотнул Соколов, доставая из кармана пачку сигарет. – Закуривай!

– Да не курю я, ты же знаешь, – нахмурился Федор, давая понять, что разговор ему неприятен.

Глупая шутка энергетика резанула ему слух. Со свойственным строителям суеверием Федор Ионычев избегал досужих обсуждений всевозможных строительных катастроф, особенно после недавнего обрушения одного из московских аквапарков. Но, как назло, Соколов явно был расположен эту тему развить.

– А что, виданное ли дело – так корпус нагружать? – для убедительности по-ленински выставив вперед *руку*, воскликнул энергетик. – «Конвейер» – он старенький, разве ему снести на голове такое?!

– Вот ты образованный человек, инженер, а несешь всякую ерунду! – тоже завелся Федор. – Ты же знаешь, расчеты были, обследования. Они показали, что корпус надстройку выдержит, и с большим запасом!

– Ну, тогда ладно! – заулыбался, неожиданно сдавшись, Соколов и дружелюбно похлопал Федора по плечу. – Да ты не сердчай, Федор Андреич, это я так. Сам-то я не сомневаюсь, вот только люди говорят...

Умные маленькие глазки энергетика вроде улыбались, но в их глубине явно была тревога.

– Кто говорит? – остывая, уже более миролюбиво спросил Федор.

– Да все говорят, – махнул рукой Соколов и обернулся на звук приближающегося автомобиля.

Федор тоже повернул голову. Рядом с ними, мягко шурша шипованной резиной, остановился длинный черный «БМВ». Темное боковое стекло лимузина бесшумно опустилось.

– Здравствуйте, господин Ионычев! – произнес человек, сидящий за рулем.

Это был собственной персоной директор завода «Конвейер» Евгений Эдуардович Дерябин. Круглое, как солнце, лицо директора источало добродушие, светлые прозрачные глаза просто лучились дружелюбием. Дерябин не был Федору начальником, и все же из уважения перед директорским рангом, отвечая на приветствие, он слегка наклонил голову.

– Ну, как дела на стройке? – обратился Дерябин к Федору, словно и не замечая стоящего рядом Соколова. – Как работает ваш «Салямспецстрой»? Выполняет план по валу?

– Нормально работает, Евгений Эдуардович, – ответил Федор, из субординации шуточного директорского тона не поддержав. – Плана у них как такового нет, но есть срок окончания – начало июня. Вроде бы укладываются.

– Надо быстрее, – вдруг посерьезнел Дерябин. – Передайте, пожалуйста, Алексею Дмитриевичу, что я просил быстрее.

И – снова засиял, засветился радушием.

– Обязательно передам, – ответил Федор и в ответ на прощальный директорский кивок по-военному приложил два пальца к шапке.

Лимузиндохнул ароматным дымком из двух прямоугольных труб под бампером и плавно покати к заводским воротам.

– Да, крутой у нас директор, круто-ой, – протянул Соколов, провожая лимузин взглядом. – Круче только яйца всмятку. И откуда он только взялся на нашу голову?

Федор непонимающе посмотрел на энергетика, но тот только хмуро сунул ему ладонь на прощание и тяжело пошагал в направлении стоящей неподалеку подстанции. А Федор, чувствуя, что опаздывает, поспешил в контору.

Глава 2

До года у Дочи вообще подозревали ДЦП. Страшный диагноз не подтвердился, но девочка на самом деле отставала в развитии. К счастью, ее родители с таким приговором не смирились, поставив опровержение клейма «УО» на их ребенке целью своей жизни. Благо отец Матвей Рюхин, слесарь-механик высшего разряда на опытном производстве крупного московского завода, не только зарплату имел по тем временам приличную, но еще и прибыльно подхалтуривал ремонтом частных автомашин. Эти деньги позволяли оплачивать и услуги педагогов, занимавшихся с девочкой с четырех лет, и матери Антонине Васильевне – не работать, неотлучно находясь при ребенке.

* * *

Контора компании «Лого-Строй» располагалась в центре Москвы, в переулках между Рождественкой и Неглинкой, в неприметном флигеле во дворе жилого дома дореволюционной постройки. Сереньким, обшарпанным фасадом флигель мало чем отличался от всей застройки вокруг, и только очень серьезная даже с виду стальная входная дверь, толстые решетки на окнах да наружный блок кондиционера под защитным козырьком говорили о том, что за этим фасадом не так все просто. И точно – внутри был евроремонт с иголочки, керамика, ковер и паркет на полах, неудобная дорогая мебель, просторный санузел и даже маленькая кухонька, – в общем, все необходимые атрибуты офиса преуспевающей фирмы.

У подъезда стоял новенький, чистенький, как будто не с московских улиц, а прямехонько из автосалона, «Лендкрузер» хозяина офиса Алексея Дмитриевича Куницына. Его водитель и по совместительству охранник Коля, как обычно, выполняя еще и функцию живой противугонной системы, успел задремать за рулем, сигнализируя Федору, что начальник на месте уже минут десять. Федор приткнул «шаху» рядом, взбежал на крыльцо и нажал кнопку снабженного видеокамерой переговорного устройства. Домофон мелодично запиликал и, зная, что его физиономию сейчас рассматривают на экране своих мониторов не только Юля, но и непосредственный начальник, Федор состроил мину, означавшую крайнюю озабоченность сотрудника своим трехминутным опозданием. «Здравствуйте, Федор Андреевич!» – раздался из динамика Юлин голос, вслед за чем электрический дверной замок громко щелкнул, отпираясь. Федор бросил ироничный взгляд на свою «шаху», рядом со сверкающей громадой джипа смотревшуюся как древний портовый буксир на фоне круизного суперлайнера, и потянул на себя тяжелую дверь.

По средам в «Лого-Строе» проводилось еженедельное совещание, и по этому случаю в офисе сегодня был полный сбор. Федор сказал: «Привет!» Юле, стрельнувшей ему в ответ глазками, тепло поздоровался с главспецом по проектным делам пенсионером Яковом Наумовичем, официально пожал руку зама по кадрам и режиму отставного эмвэдэшника Семена Евстратовича Горбатова и кивнул очкарику-ю-ристу Паше, с которым из-за чудовищного и неконструктивного занудства последнего он был в легких контрах. С главным бухгалтером Розой Анатольевной Федор обычно вежливо раскланивался, но ни в общей офисной зале, где, разделенные низенькими ширмочками, сидели сотрудники, ни в своем отдельном застекленном закутке финансовой богини не было. Федор разделся, но усесться на свое место не успел, потому что на Юлином столе заблел местный телефон и она, что-то коротко выслушав в трубке, громко провозгласила:

– Федор Андреевич, зайдите к Алексею Дмитриевичу!

Сопровождаемый сочувствующим взглядом Юли, ободряющим – Леонида Яковлевича, безразличным – зама по режиму и злорадным – Паши-юриста, Федор, предварительно коротко постучав, открыл двойную тамбурную дверь директорского кабинета.

– Вызывали, Алексей Дмитриевич? – вежливо, но без подобострастия, спросил он. – Разрешите?

Человек в белой рубашке и дорогом галстуке с золотой заколкой, сидевший, склонив голову над бумагами, во главе большого Т-образного стола, в ответ, не поднимая головы, только нетерпеливо поманил рукой.

Генеральный директор компании «Лого-Строй» Алексей Дмитриевич Куницын не просто производил впечатление человека преуспевающего, но и всячески старался это впечатление подчеркнуть. Пока Федор занимался бизнесом, ему доводилось общаться с людьми чрезвычайно состоятельными, но никто из них не уделял столько внимания носимым атрибутам успеха, как Алексей Куницын. Кроме галстучной заколки в его туалете благородный металл присутствовал в виде массивных часов, браслета, толстеного обручального кольца на безымянном пальце правой руки и перстня-печатки для симметрии – на левой. Бумаги он подписывал золотым «Монбланом», а прикуривал от золотой же зажигалки. Кроме того, Федор знал, что на шее начальника висела скрытая сейчас воротом рубашки цепь в палец толщиной и еще одна, немногим тоньше, для золотого нательного креста. Из одежды он признавал только «Boss», и иные из его вещей стоили не меньше какой-нибудь золотой безделушки. Алексей был моложе Федора года на три-четыре, но, видимо, излишества, зачастую сопутствующие жизненному успеху, наложили на его внешний облик неизгладимый отпечаток, заставив некогда явно спортивную фигуру расплыться, прическу – поредеть, а черты лица – оплывать. Сейчас он был настолько увлечен изучением бумаг, лежащих перед ним, что главбухша Роза Анатольевна, белой мышью сидящая по посадке «смирно» на стуле рядом с директорским столом, казалось, даже не дышала, дабы, не дай бог, не помешать начальнику.

Висела тишина. Невостребованно простояв с минуту в дверях, Федор счел уместным легким покашливанием напомнить о себе. Алексей поднял от бумаг голову и непонимающе уставился на Федора. Потом вдруг встряхнулся и, словно продолжая только что прерванный диалог, произнес:

– Да, так вот – мы им платим или нет?!

«Белая мышь» при этих начальничьих словах повернула голову и тоже уставилась на Федора с вопросом в бесцветных глазах. Федор изобразил на лице вежливое недоумение:

– Простите, Алексей Дмитриевич, кому платим? За что платим?

– Ну, «Саямспецстрою», я говорю, таджикам нашим, – объяснил Куницын, видимо, вспомнив, что Федор при разговоре не присутствовал. – Они денег просят вне графика, вот думаем – давать, не давать?

– И много просят? – осторожно поинтересовался Федор.

Впрочем, спросил он это просто для того чтобы поддержать разговор, потому что взаиморасчеты с подрядчиком в компетенцию Федора не входили, и что отвечать на поставленный ребром вопрос, он не представлял совершенно.

– Да прилично, – хмуро ответил Куницын. – Вот и думаем.

Снова повисло тягостное молчание. И тут Федор, которого этот разговор немного с глухим о том, что видел слепой, и забавлял, и раздражал одновременно, с совершенно серьезным выражением лица пошутил, как ему казалось, вполне уместно случаю:

– А вы, Алексей Дмитриевич, дайте им половину того, что они просят, и все дела!

«Белая мышь» изобразила уголками губ какое-то подобие улыбки, но тут же ее лицо вновь стало похоронно-постным, потому что Куницын воспринял слова Федора совершенно серьезно.

– Ты думаешь? – с сомнением спросил он, потирая кулаком подбородок, и повернулся к главбухше: – Что скажете, Роза Анатольевна?

У «белой мыши» в глаза выплеснулся ужас, и она часто закивала головой. Алексей, которого, похоже, больше тяготил не сам вопрос, а необходимость принятия решения по его сути, от такой поддержки фин-богини даже сразу просветлел.

– Ну, Федор, молодец, здорово ты все разрулил! – воскликнул он, хлопая себя ладонью по ляжке, и сразу снова стал официальным: – Ну, иди, передай там всем, что совещание через пять минут.

Умирая про себя со смеху, Федор вышел уже было из кабинета, но в тамбуре, закрывая за собой одну дверь и открывая другую, замешкался, и до него донесся приглушенный, но все же совершенно явно слышимый дискант главбухши:

– Тогда что, сколько платим, Алексей Дмитриевич?

Рука Федора непроизвольно замерла на ручке двери.

– Ну, сколько, сколько? – пробубнил голос Алексея Куницына. – Пополам, значит, пятьсот.

– Так, я пометила – пятьсот тыщ, – пропищала «мышь». – Вы сами отдадите Бахтияру?

– Да, как обычно, – глухо, как из колодца, ответил Куницын.

– Не забудьте взять расписочку, Алексей Дмитриевич!

– Не забуду, Роза Анатольевна.

Разговор за дверью явно завершался, и Федор поспешил ретироваться из тамбура.

Совещание протекало скучно и неинтересно. К Федору вопросов не было, и он, слушая вполуха, весь был в своих мыслях.

Какое-то время он думал о том, что невзначай подслушал под дверью начальничьего кабинета. Пятьсот тысяч (а просили миллион!) долларов (не рублей же!), наличными (расписка ведь!) какому-то неведомому Бахтияру – это, согласитесь, интересно! Но скоро размышления на эту тему Федору наскучили. В конце концов, как Алексей Куницын платит подрядчику, Федору было совершенно «по барабану», лишь бы дело шло. Ну, а то, что вся стройка в Москве финансируется «в черную», ни для кого не секрет, иначе стоимость квадратного метра в столице из просто высокой стала бы заоблачной, как на Манхеттене, или того дороже. И скоро Федор переключился на предстоящий звонок в издательство, да так предвкушением разговора с редактором Дашей увлекся, что напрочь забыл о поручении, даденном ему директором завода. И только когда Алексей уже распустил подчиненных по местам, Федора осенило, и он, уже держась за ручку двери, сказал вроде между прочим:

– Да, кстати, Алексей Дмитриевич, я тут разговаривал с Дерябиным, и он просил передать, что хотел бы, чтобы надстройка корпуса была закончена не к июню, как мы с вами планируем, а раньше.

Куницын как-то застыл на секунду, потом медленно поднял на Федора глаза.

– Когда вы разговаривали с Евгением Эдуардовичем? – отдельно спросил он, тяжело глядя на Федора.

По этому взгляду да еще по тому, что обычно начальник был с ним на «ты», Федор понял, что допустил какую-то бестактность.

– Когда уезжал с завода, часа в два или чуть позже, – ответил он.

– Вы разговаривали с директором завода три часа назад, он просил что-то передать мне, и я только сейчас узнаю об этом? – еще добавил в тоне Куницын. – Впредь прошу вас, Федор Андреевич, любую информацию от Евгения Эдуардовича доставлять мне срочно, вы поняли меня?

– Понял, – коротко ответил Федор и вышел из кабинета.

Федор терпеть не мог, когда ему выговаривали, но еще меньше он любил осознавать, что сам на выговор и напросился. Потому что с самого утра думал не о работе, а о звонке в изда-

тельство, вот и забыл, замечтался. И, как всегда бывает в жизни, кроме как на себя, пенять не на кого. Немного успокоив себя такой самокритикой, Федор вышел в конторский «предбанник», служивший курилкой и местом для ведения неслужебных телефонных разговоров, и позвонил Даше Копейниковой.

– М-да, да! – своим неподражаемым басом рыкнула в трубку редакторша. – Кто это?

– Это я, молодой автор Александр Агатов, – с интонациями почтальона Печкина ответил Федор.

– Ага! – торжествующим тоном судебного исполнителя, только что задержавшего злого неплательщика алиментов, воскликнула Даша. – Вас-то мне и надо! И когда вы намереваетесь прибыть ко мне?

– Так что, подписали? – робко спросил Федор, чувствуя, как у него от радости аж пятки зачесались.

– Канэшна-а! – жизнерадостно взревела Даша. – Если я говорю, что подпишут, значит, подпишут обязательно. Теперь дело за авторским договором. Когда мне вас ждать?

– Когда нужно? – засуетился Федор. – Сегодня? Завтра?

– Ну, зачем так торопиться? – великодушно промурлыкала на частоте десять герц Даша. – Пусть будет послезавтра.

Попрощавшись с редакторшей до пятницы, Федор сказал сам себе «Йес-с-с!» и станцевал на месте что-то вроде твиста. Всякий, кто видел бы сейчас его со стороны, сразу понял бы, что в жизни человека только что произошло что-то очень, очень важное. Наверное, так решил и Яков Наумович, ровно в эту секунду с сигаретой в руке открывший дверь «предбанника».

– Ты чему это так радуешься? – воскликнул Яков Наумович, увидев Федора, выписывающего коленца. – В лотерею выиграл?

– Можно и так сказать! – ответил Федор, бережно беря старика за плечи.

К Якову Наумовичу, старому проектанту, начавшему свой трудовой путь еще при Сталине, Федор испытывал искреннюю симпатию, однако рассказывать ему об истинных причинах своего веселья все же не планировал. Вместо этого, вспомнив не дававший ему покоя разговор с Соколовым, Федор спросил:

– Яков Наумыч, вот ведь вы все про надстройку «Конвейера» знаете, верно? – для затравки потрафил он самолюбию старого проектанта.

– Ну, не все, конечно, – с видимым удовольствием в глазах заскромничал пенсионер, раскуривая сигарету. – Но почти все. А что тебя интересует?

– Да вот, мы корпус надстраиваем, – тоном размышления, вроде сам с собою, задумчиво начал Федор. – А существующие-то конструкции выдержат?

– Это с тобой Соколов, что ли, разъяснительную работу провел? – хитро прищурился Яков Наумович.

– Ну да, – честно ответил Федор, чувствуя, что улыбка на лице получается немного глуповатой. – То есть это – не новость?

– Да Соколов уже всех этой своей идеей задолбал! – захихикал Яков Наумович, выпуская дым из волосатых ноздрей. – Вот и до тебя добрался.

– Но, может быть, у него все же есть какие-то основания?.. – начал было Федор.

– Да нет у него никаких оснований! – перебил его, внезапно рассердившись, Яков Наумович. – Проект прошел экспертизу, чего еще тебе надо-то?

– Мне – ничего, – довольно резко ответил Федор, задетый тем, что старый проектант в запальчивости поставил его на одну доску с Соколовым. – Проект «Трансваля» тоже прошел экспертизу, что не помешало ему рухнуть и людей угробить. Я просто хотел бы быть уверенным, что на объекте, на котором я отвечаю за технический надзор, все в порядке.

– Да все там в порядке, Федь! – примирительно сбавил тон Яков Наумович. – Слушай, я пятьдесят лет проектирую, я тебе любое здание на коленке посчитать могу. Ну, как ты думаешь,

стал бы я делать каркас здания не металлическим, а железобетонным, если бы не был уверен в том, что здание выдержит?!

– А правда – зачем надо было проектировать надстройку в монолите? – с готовностью поддержал переход на другую тему Федор, на самом деле прекрасно понимая, что никакими фактами в защиту теории Соколова он не располагает. – Ведь стальной каркас гораздо легче?

– Да и делать его быстрее! – подхватил Яков Наумович, туша сигарету. – Но Дерябин настоял по противопожарным соображениям. Ты же знаешь, металл надо защищать от огня, ну, и так далее.

– То есть здание выдержит? – полуутвердительно спросил Федор, обескураженный тем, что вопрос, который серьезно его беспокоил, на самом деле оказался секретом Полишинеля.

– Да выдержит, выдержит, успокойся! – добродушно посмеиваясь, похлопал его по плечу Яков Наумович. – Правда, я фундаменты не прикидывал, потому что чертежей по ним не сохранилось вообще. Но была фирма, делала обследования, какое-то там глубинное зондирование. Судя по отчетам – там все о'кей. Так что пойдём-ка лучше, Федь, готовиться на выход, без пяти шесть уже.

* * *

Памятуя, что дома заканчивается кофе, Федор заехал в «Трешницу». Этот продуктовый универсам очень удобно стоял прямо на Коровинском шоссе, и Федор часто заглядывал туда по дороге домой, когда, как сегодня, нужно было срочно купить что-то из продуктов. Правда, за ограниченный ассортимент товаров, ненавязчивый, почти советский сервис, грязь на полу и очереди в кассы Федор «Трешницу» не любил, называя ее «супермаркетом для бедных». Однако с точки зрения весьма приемлемых цен альтернативы этому магазину в Коровино просто не было, и в этот вечерний час к обочине у входа в магазин было не приткнуться. Федору пришлось ждать, пока дама на «десятке» неторопливо перегружала пакеты с покупками из магазинной тележки в машину, и только после этого, буксуя в обильной грязной слякоти у бордюра, он с трудом втиснул «шаху» на освободившееся место.

Тем более удивительно было, что когда полчаса спустя Федор с двумя тяжеленными пакетами в одной руке и упаковкой минеральной воды – в другой (не с пачкой же кофе стоять в длиннющей очереди в кассу – засмеют!) вышел из «Трешницы», его «шаха» стояла одинока, аки перст. Машины три сзади нее и парочка – впереди съехали, образовав вокруг «шестерки» эдакий вакуум. Федор подошел к машине, радуясь, что хотя бы выезжая, ему не придется корячиться и выдвигиваться, перетякая взад-вперед передачу и выворачивая до упора руль.

Но для начала нужно было загрузить покупки. Левая задняя дверь у «шахи» была сломана и не открывалась, а обойти машину справа мешала густая снежно-грязевая каша по щиколотку. Федор в очередной раз ругнул себя за то, что до сих пор не нашел времени заняться дверью. Теперь вот придется определять пакеты и воду в, мягко говоря, нестерильный багажник, где продуктам совсем не место. С этими скорбными мыслями Федор, поставив воду на крышку багажника, вставил ключ в замок, но тот открываться не захотел, видимо, прихваченный легким вечерним морозцем.

Строптивость замка и спасла Федора, потому, что именно в эту секунду где-то слева и сзади него мощно взревел мотор, принадлежащий, судя по звуку, какой-то очень серьезной машине. Федор успел повернуть голову и увидел, что огромный черный «Геландеваген», который был припаркован машин за шесть-семь сзади «шахи», вывалился из ряда и с места в карьер несется на Федора. Блик света от уличного фонаря на мгновение осветил через лобовое стекло могильную черноту салона, выхватив нижнюю часть лица человека, сидящего за рулем. Его губы кривила странная усмешка, во рту тускло блестел золотой зуб.

Какую-то секунду реальность в виде стремительно приближающейся громады «Геланде-вагена» боролась в мозгу Федора со здравым смыслом, уверявшим, что такое бывает только в кино. В жизни такого не бывает! Конечно же, джип обязательно проедет мимо. Но, на свое счастье, Федор поверил глазам. И еще – он никогда и не предполагал у себя наличие такой реакции! Потому что когда «Геландеваген» толстыми хромированными трубами кенгурятника со всей своей двухтонной дури врезался в зад «шахи», на том месте, где Федор стоял за секунду до столкновения, его уже не было. Ровно полсекундой раньше он неимоверным напряжением всех мышц тела с места, практически не сгибая колен, подпрыгнул и неуклюже плюхнулся на крышку багажника. В это же мгновение от страшного удара, вмявшего заднюю панель и сорвавшего замок, багажник «тестеры» открылся и под действием огромной инерции бросил Федора боком на упаковку бутылок с минералкой, впечатав всех их вместе в заднее стекло.

Федору показалось, что его ребра треснули, от адской боли в голове сначала вспыхнул яркий свет, а потом на несколько секунд наступила полная темнота. А тем временем заднее стекло, не выдержав напряжения, рассыпалось вдребезги, и бесчувственное тело Федора вместе с раскатившимися бутылками провалилось в салон. «Шаха», от удара проскользив на лысой резине метров десять, остановилась в дюйме от заднего бампера припаркованной впереди новенькой «Ауди». Джип же, от которого «шаха» отлетела, как мяч от ноги футболиста, взметая колесами мокрые снежные брызги, на полном ходу описал дугу и, едва на задев ту же «Ауди», с ревом умчался в темноту.

Федор очнулся, ощутив себя лежащим на заднем сиденье своей машины. Везде, даже за шиворотом, было битое стекло, на груди примостилась помятая бутылка минералки. Жутко болели ребра. Какое-то время Федор лежал не шевелясь, приходя в себя после шока и прислушиваясь к людским голосам снаружи. Вдруг кто-то громко и отчетливо, как будто находился совсем рядом, закричал: «Жив, жив!», и вслед за этим незнакомое озабоченное мужское лицо через дыру, оставшуюся от заднего стекла, просунулось в салон.

– У вас дверь не открывается! – запыханно проговорил обладатель лица, заглядывая Федору в глаза. – Вас нужно извлечь!

– А вы попробуйте с другой стороны, – успокаивающе улыбнулся энтузиасту извлечения Федор.

Тот оказался с понятием, сказал: «Ага!», и вскоре Федор, вытащенный из салона через заднюю правую дверь, оказался в окружении приличной толпы свидетелей происшествия и зевак.

– Как вы себя чувствуете?! – истерично выкрикнула из толпы экзальтированная дама в серой норке. – У вас ничего не сломано?

Федор подумал, что не удовлетворить интереса публики к зрелищам после такого участия с ее стороны было бы верхом невежливости, и под ободрительный гул занялся самодиагностикой. Он осторожно попрыгал на месте, покрутил, покачал головой, несколько раз глубоко вздохнул и определил, что, кажется, переломов нет, и даже боль в ребрах – следствие сильного, но всего лишь ушиба.

– Кажется, нет, – страдальчески ответил он даме в норке. – Все в порядке.

– Слава богу! – вознесла очи горе дама. – Он так на вас наехал!

«Да уж! – подумал Федор, оглядывая останки «шахи». – Именно так – «наехал», а не «въехал»! «Въехал» – это когда по невнимательности или неопытности, а тут – именно наезд, тут все намеренно, с расчетом! Стоп! Конечно, эти «чемоданы на колесах» все такие одинаковые, но не тот ли это «Геландеваген», которому давеча так не понравился стиль вождения Федора? Да ну, бред! Что, за рулем маньяк, пунктик которого – убивать всех, кто быстрее его ездит? Черный ангел мщения? Потом, Федор тогда – сто процентов – от преследования оторвался, как маньяк вычислил-то его? Или что – случайная встреча? Ага, бред в квадрате!

А вот машина после наезда представляла собой совершенно жалкое зрелище. Удар полноприводного монстра укоротил «шаху» на полметра, превратив ее зад в комок мягкого железа, над которым вертикально вверх задорно торчала целехонькая крышка багажника. Как вовремя она открылась, защитив Федора от удара «Геландевагена»! Если бы не она, то Федор, находясь после своего прыжка в воздухе, неминуемо угодил бы под кенгурятник джипа, как теннисный мяч под ракетку. Где бы был мячик-Федор после такого «драйв-воллея», одному богу известно. Как минимум, с переломанными костями и отбитыми внутренностями – на больничной койке. А скорее, прямиком на том свете. И, словно благодаря за спасение, Федор погладил «шаху» по изуродованному грязному крылу.

Между тем толпа, не предвидя новых развлечений, начинала рассасываться.

– Случайно никто не запомнил номер джипа? – переходя от эйфории по поводу чудесного спасения к вопросам брэнной действительности, обратился к людям Федор.

– Я, я запомнила! – вновь оживилась та же дама в норке, хоть и позже всех, но тоже побредшая было прочь с манежа. – Там были буквы А и О, и еще цифры пять, три, девять... или семь?

– Да не было там никаких цифр! – перебил экзальтированную хмурый, бомжеватого вида мужик в заношенном пальто и остатках кроличьей шапки на голове. – Путает дамочка. Ничего там вообще не было, грязью были номера залеплены напрочь.

Дама, смерив кролика с высоты своей норки уничтожающим взглядом, фыркнула и, оскорбленная непониманием ее тонкой души, тоже ушла.

– Ментов надо вызывать, – посоветовал мужик, глядя исподлобья на Федора. – Гаишников, значить.

Федор дельность совета оценил, отвернулся от попахивающего бомжеватого, вынул мобильный и набрал ноль-два. Ответили почти сразу. Девушка-милиционер дотошно расспросила Федора, есть ли жертвы, где, когда и при каких обстоятельствах произошла авария и в заключение обнадежила, сказав: «Ждите, наряд будет!» Федор, чувствуя, что ожидание будет долгим, вздохнул, повернулся к машине и нос к носу столкнулся с бомжеватым. Оказывается, он никуда не ушел, а весь разговор тихонечко и терпеливо простоял у Федора за спиной.

– Ты чего? – спросил мужика Федор, уже чувствуя, что сегодня попал не только на ремонт машины. – От ветра, что ли, за мной прячешься?

– Дай на пузырь, – не стал юлить бомжеватый. – А то лабаз закроют.

– Типа, за совет ГАИ вызвать, что ли? – усмехнулся Федор, раздумывая, послать бомжа или явить акт милосердия.

– Да ни за чё, – великодушно разрешил его сомнения бомж. – Просто так дай. Душа горит, дымком к небу просится!

Присказка Федора сразила, он от души рассмеялся и полез в карман за кошельком. Как назло, полтинника не было, только два червонца и сотенные. Федор вздохнул и протянул бомжаре сотню. Тот выпустил из рукава руку, принял бумажку скрюченными пальцами, и она вместе с рукой исчезла в рукаве. Федор снова отвернулся, намереваясь сесть погреться в машину.

– Слышь, братан! – окликнул его бомжеватый. – Сдается мне, что этот на чжипе нарочно тебя дожидал, чтобы забодать.

Федор резко обернулся.

– С чего ты решил? – серьезно спросил он мужика.

– Я те точно говорю, – авторитетно ответил бомж. – Ты подъехал – он подъехал, но встал вдалеке. Ты в магазин – он переехал поближе, а мотор-то не глушит. Ясно дело, следит. А как ты вышел, у него сразу огонек белый коротко загорелся сзади, у ентих чжи-пов, как им ехать, всегда так.

«Ну да, коробка-автомат, при включении передачи селектор проходит через положение «задний ход», при этом на задних фонарях загораются белые огни», – поразился технической

подкованности бомжа Федор. А тот победоносно посмотрел на озадаченного Федора, на прощание смачно сморкнулся в грязную жижу на дороге и тяжело побрел прочь.

Да, было чем озадачиться. И чем больше Федор раздумывал над информацией, полученной от бомжа, тем очевиднее выходило, что, очень похоже, так оно все и было. Но из этого, в свою очередь, вытекала одна вещь, от которой Федору внезапно стало не по себе. В том, что это был один и тот же «Геландеваген», Федор теперь уже не сомневался. Но, значит, преследователь и сегодня утром, и сейчас знал, как и где найти Федора и пристроиться к нему. Следовательно, были известны привычные маршруты передвижения Федора, и, значит, его вели.

Федор поехал и невольно оглянулся по сторонам. Какое же это нехорошее чувство – страх! Он приходит неожиданно и сразу затмевает собою все вокруг. Еще пять минут назад главной сиюминутной проблемой в жизни Федора была необходимость восстанавливать искореженную машину и связанные с этим немалые материальные издержки. А теперь вот давай думай, кто это на тебя наехал, почему, и откуда ждать следующего удара!

«Черт, кому же это я так перешел дорогу?» – мысленно заскреб в затылке Федор. Скорее всего, конечно, это кто-то из прошлой, деловой жизни, какой-нибудь особенно злопамятный субподрядчик, которому Федор недоплатил за тот последний объект, потому что платить было нечем. Правда, Федор тогда всем все объяснил, перед всеми нижайше извинился. Вроде все всё поняли. Ты, мол, нам всегда раньше платил исправно, сейчас попал, – ну что ж, в делах не без потерь, будет возможность – рассчитаешься, нет – возьмем на убытки. Неужели кто-то, со всеми согласно кивая головою, в душе затаил недоброе и задумал отомстить? А ведь уже больше двух лет прошло... Долгонько же он выжидал, сидел в засаде, чтобы никто потом не подумал, не соотнес с виду почти обычный дорожный инцидент с прежними делами пострадавшего! Что ж, тем хуже, тем опаснее этот кто-то для Федора...

Вконец удрученный этими мыслями Федор совсем потерял счет времени, а между тем шел уже одиннадцатый час. Давно закрылся магазин, все разъехались, и изувеченная «шаха» осталась на дороге одна-одинешенька. И ее, и Федора, и следы аварии уже начало припорошивать редким снежком, а гаишников все не было. Федор снова позвонил по ноль-два, но там только сказали, что аварий очень много, наряды не справляются, и посоветовали запастись терпением. Федор вздохнул, натянул шапку поглубже на уши и позвонил домой. Странно, но Ирины дома еще не было, а ее мобильный отвечал, что абонент временно недоступен. От смутно-беспокойных размышлений о том, куда вдобавок ко всем неприятностям запропастилась жена, вконец замерзшего Федора отвлек подъехавший наконец наряд милиции.

– Потерпевшего вижу, а где же другой участник дорожно-транспортного происшествия? – сразу нагрузил Федора маленький, круглый гаишный сержант с отвислой нижней губой и шапке набекрень, словно колобок, выкатившийся из патрульной машины. – Как вы без него на разбор полетов думаете являться?

И – ни «здрасьте», ни извинения за более чем трехчасовое ожидание. От такого начала разговора Федор, за последние десять лет от совкового хамства основательно поотвыкший, малость опешил, но быстро пришел в себя.

– Да вот, не дождался он вас, товарищ сержант, – чувствуя, что закипает от злости, начал в ответ валять ваньку Федор. – Не могу, говорит, дожидаться товарища сержанта, когда они приехать соизволят. Больше трех часов, говорит, даже товарища сержанта не ждут.

Видимо, почувствовав, что над ним издеваются, «колобок» поджал губу и нахмурил брови, отчего его покатым лоб весь собрался смешными вертикальными складками.

– Да у нас, чтоб вы знали, авария на аварии! – обиженно выпалил он, зло глядя на Федора маленькими круглыми глазками. – Пожрать некогда! А вот вы тут с ним за три часа хоть схему аварии составили?

Злость внезапно ушла, Федору стало просто жаль этот желудок в милицейской форме, для которого «пожрать» явно было превыше всего.

– Да какая схема? – устало ответил Федор сержанту. – Уехал он, скрылся с места аварии.

– Марка машины, госномер? – сразу стал деловым «колобок», извлекая из висевшей на боку полевой сумки какие-то форменные бланки и приготавливаясь записывать.

– Машина – «Мерседес» G-класса, черного цвета, – начал диктовать Федор. – Госномера никто не запомнил, номерные знаки грязные были, нечитаемые.

Рука «колобка» перестала писать, он поднял глаза на Федора.

– А ваша машина застрахована?

Федор отрицательно покачал головой. «Колобок» аккуратно спрятал бланки обратно в сумку, подкатился к Федору и, глядя на него снизу вверх, с улыбочкой сказал:

– Знаешь, что я тебе скажу? Дохлое твоё дело. Найти того, кто тебя стукнул, – нереально, этих «меринов» в Москве – как грязи. Я, конечно, могу составить протокол, но тебе от этого будет один геморрой. Ну, откроем мы по факту оставления места происшествия дело, и что? Вот ты где живешь? Здесь, рядом? А наше управление в Лианозово, и будешь ты к нам кататься, с работы отпрашиваться, да не раз и не два! Ты не застрахован – опять, значит, для страховой компании тебе протокол без надобности. И мне пустой работы меньше. Смекаешь, что говорю?

Федор глядел в маленькие хитрые глазки «колобка» и думал: откуда они взялись, все эти сытые до круглости гаишники, чиновники, депутаты, все эти облеченные властью и не отягощенные долгом и моралью слуги народа? Или они были всегда? Федор не знал ответа. Ему было холодно и до слез обидно за державу.

– Смекаю, – кивнул он «колобку» головой. – Ты извини, что столько времени у тебя отнял. Конечно, ты бы мог сейчас где-нибудь с радаром в укромном местечке постоять, нарушителей скоростного режима половить. Известное дело – все превышают. Раз палкой махнул – соточка, а то и две. А если повезет, то и пьяный за рулем попадетсЯ, а это уже другие соточки, зеленые. А ты вместо этого тут со мной валандаешься. Я ж понимаю!

Сержант от обиды набычился, став жутко похож на одного из трех диснеевских поросят, но Федора уже несло.

– Слушай, а чего ты это у меня документы не проверяешь и в трубочку дуть не даешь? – продолжал он издеваться над гаишником. – А вдруг я эту машину угнал или без прав езжу, да еще и выпимши? Может, и с меня можно капусты срубить, компенсировать хоть частично простой, а?

«Колобок» презрительно взглянул на Федора и процедил сквозь зубы:

– Да что с тебя возьмешь, ты же нищий, сразу видно. Езжай уж, хватит с тебя на сегодня.

Какое-то мгновение Федор всерьез раздумывал над тем, чтобы залепить сержанту по наглой жирной морде. И, видимо, настолько это читалось во взгляде Федора, что «колобок» в испуге откатился на пару шагов назад и положил руку на кобуру своего штатного ПЭМа. Это отрезвило Федора, он отвернулся от «колобка», сел в «шаху», без подсоса, насилуЯ, завел недовольно взревший настуженный мотор и резко взял с места. Его трясло. В зеркале заднего вида гаишник долго и как-то округло глядел ему вслед.

* * *

Домой Федор добрался за полночь. Ирина с молчаливым вопросом в глазах встретила его на пороге.

– Я попал в аварию, – раздеваясь, вслух ответил жене Федор. – Я звонил, тебя не было дома, а мобильный твой не отвечал.

– Я была дома, – нажала на слово «была» Ирина, – просто отходила к соседке. А мобильный дома я выключаю, ты знаешь.

«Знаю, знаю», – молча кивнул Федор, ловя себя на том, что все это неувовимо напоминает ему начало общения с круглым гаишником. Господи, Ира, о чем ты?! Наверное, после

слов мужа об аварии можно было хотя бы его состоянием поинтересоваться да что с машиной узнать, а не рассказывать про какую-то соседку! Какая еще соседка, в жизни Ирина не общалась ни с какими соседками!

– И что с машиной? – словно подслушав, правда, частично, мысли Федора, спросила Ирина.

– Задница всмятку и, похоже, мост повело, виляет, еле доехал, – лаконично ответил Федор. – Я почти цел, если это тебе интересно, только ребра очень болят. Покормишь?

– Я не поняла – в тебя, что ли, въехали? – прищурилась Ирина, напрочь игнорируя всю прочую информацию, равно как и намеки на ужин.

– Да, в стоячего, около «Трешницы», – продолжил отчет Федор, чувствуя, что закипает.

– Так, значит, он виноват? – повысила голос Ирина. – Ты денег с него содрал?

Федор покачал головой. Он внимательно глядел на жену, как будто видел ее в первый раз, но Ирина не замечала этого взгляда.

– А ГАИ вызывал? – не унималась она. – Протокол составили?

– Гаишники приезжали, протокол составлять не стали, – сухо ответил Федор. – Какие еще будут вопросы?

– А много будет вопросов! – внезапно перешла на крик Ирина. – Я тут вся на нервах, а он где-то шляется до ночи и еще меня в чем-то обвиняет! У нас что, лишние деньги на ремонт машины есть?! И вообще что-то тут не так! Если в тебя въехали, почему протокол не стали составлять?

– Потому что въехали не случайно, а намеренно, и скрылись с места аварии! – с трудом сдерживаясь, тоже перешел на повышенный тон Федор. – И вообще, мне не до протокола было. Ир, я чудом цел остался в этой аварии, понимаешь? И вообще я почти уверен, что кто-то охотится за мной, возможно, хочет убить, и это было не дорожное происшествие, а покушение!

Вообще Федор об этих своих подозрениях рассказывать жене не собирался, дабы ее не пугать, и пошел на это только с целью прекратить этот незапланированный домашний концерт. Но результат оказался прямо противоположный тому, на который рассчитывал Федор. В этом концерте от роли хэдлайнера Ирина отказываться явно не собиралась. Ровно секунду она молчала, видимо, вникая в суть мужниных слов, а потом, зажмурив глаза, истошно завопила:

– Что ты несешь, Ионычев?! Какое покушение? Разбил неизвестно где машину, а теперь не знаешь, как выкрутиться? На него охотятся! Ты кто – банкир или бизнесмен, чтобы на тебя охотиться?! Кому нужно тебя убивать?! Кому ты вообще нужен?!

И снова Федору показалось, что это не Ирина сейчас перед ним, а давешний «колобок»-гаишник, смеясь, рассказывает ему про его, Федора, никчемность. Он почувствовал, как где-то на уровне поясницы родилась теплая волна бешенства, поднялась до груди, перехватив дыхание, ударила в голову и рассыпалась там фейерверком золотых искр.

– Никогда, слышишь, никогда не смей больше разговаривать со мной в таком тоне! – воткнув твердый взгляд жене прямо в зрачки, тихо и спокойно произнес Федор.

То ли потому, что это были первые резкие слова, которые Ирина слышала от мужа за всю историю их знакомства, то ли из-за того, как они были сказаны, Ирина испуганно шарахнулась от Федора, по стеночке проскользнула в спальню и захлопнула за собой дверь. Федор с минуту постоял на месте, слушая, как утихает в теле нехорошее возбуждение, потом на цыпочках подошел в двери спальни и приложил к ней ухо. Там было тихо. Федор так же неслышно прокрался в ванную, вымыл руки, потом на кухне всухомятку перекусил бутербродом с колбасой. Спать он лег не раздеваясь в большой комнате на диване и сразу же, как в глубокую яму, провалился в сон.

Глава 3

Ценой всех этих усилий девочку, хоть и в восемь лет, но взяли-таки в «нормальную», а не спецшколу. Мама, естественно, «училась» вместе с дочерью, и по успеваемости Доча была в твердых середнячках. О том, что еще два-три года назад ее считали чуть не умственно отсталой, больше не вспоминалось. Но школьные нагрузки быстро подорвали теперь уже физическое здоровье девочки. Она ненормально быстро уставала, и к концу первого класса ей поставили диагноз «миопатия» – по сути, начальная форма дистрофии. Плюс начались проблемы с легкими и со зрением.

* * *

Разбудило Федора ощущение, что что-то не так. Сначала он подумал, что причина в том, что он лежит не в постели под одеялом, а в верхней одежде на диване, но быстро осознал, что беспокойство не от этого. И тут же понял, отчего. В комнате было светло. То есть не то чтобы совсем, но слишком уж серо для того времени, в которое Федор привык вставать.

Предчувствуя нехорошее, он поднес к глазам не снятые вечером с запястья часы и сразу вскочил как ошпаренный. Вернее, попытался вскочить, но тут же скрючился от нестерпимой боли в ребрах. С полминуты он вообще не мог разогнуться, и только страшное осознание того, что уже четверть девятого, заставило его, кряхтя, подняться на ноги. Опаздывать куда бы то ни было, паче чаяния на работу, Федор органически терпеть не мог еще с армейских времен. Да и Алексей Куницын по части соблюдения режима был строг и запросто мог прислать на завод с проверочкой своего зама Горбатова, а то и сам заявиться с утра пораньше.

Какое-то время Федор раздумывал над тем, что, может быть, вместо безнадёжного опоздания лучше на работу вообще не пойти, но поскольку ребра с каждой минутой болели все меньше, давая знать о себе только при резких движениях, пропорционально боли стремительно уменьшалась и благовидность этого предложения.

Нет, но какова Ирина! Да, вчера вечером они, конечно, повздорили, причем первый раз в жизни не только Ирина повздорила с ним, но и он, несомненно, принял определенное участие в ссоре. Но ведь, в конце концов, это может быть причиной для чего угодно, но только не для того, чтобы не разбудить мужа на работу! Это уже не просто жена-сердится-на-мужа-за-что-не-так-уж-важно, это уже своего рода демарш. Мол, у меня своя жизнь, у тебя своя. «При разделе имущества буду претендовать только на будильник», – невесело пошутил про себя Федор и твердо решил вечером извиниться перед Ириной. И вообще приложить все усилия, чтобы вернуть их семейную атмосферу в состояние безоблачного штиля. Конечно, учитывая обозначенную женой степень обиды, это будет непросто. Придется разориться на дорогой шоколад и, главное, приличный коньяк, который Ирина обожает, но повод того стоил.

Разработав такой хитроумный план действий, Федор вернул себе состояние душевного равновесия и принялся шеметом собираться на работу. Через девять минут, плохо побритый и не совсем комплектно одетый, он уже выскочил на улицу, с болью в сердце взглянул на жалкие останки «шахи» и бегом пропустил на автобусную остановку.

Федор уже забыл, когда последний раз ездил общественным транспортом, и оказался неприятно поражен тому, какая же это нудная и, главное, долгая процедура! Хорошо еще, что час пик был в полном разгаре и Федору повезло втиснуться в первую же по счету маршрутку. Но на этом везение, кажется, решило иссякнуть. Водитель маршрутки по виду и стилю вождения был явно «нэмэстный», работал, видимо, недавно, ездил небыстро. На дороге он суетился, всем мешал, ему гудели со всех сторон, он сигналил в ответ, нервничал, ругался на

своем языке и в результате ехал еще медленнее. Федор, то и дело нервно поглядывая на часы, наблюдал за бестолковой, как движение броуновской частицы, ездой драйвера, сжав зубы и нахмутив брови, и был в микроне от того, чтобы не закричать на весь салон: «А, блин, дай-ка я!» Несколько раз он доставал мобильный с намерением позвонить в офис и предупредить об опоздании, но все же решил этого не делать, понадеявшись на русский авось: если никого черт не принесет с утра на завод, то его опоздание останется незамеченным. Наконец, затратив на двадцатиминутную дорогу чуть не вдвое больше времени, водила доскреб-таки до Петровско-Разумовской, и Федор, выскочив первым из салона, поспешил к павильону метро.

Внутри было, мягко скажем, людно. Толпились за проездными билетами, у лотков с прес-сой, образовывали маленькие очереди у турникетов. Все спешили, и никто не обращал внимание на двоих молодых людей – парня и девушку, в одинаковых длинных темных пальто, джинсах и тяжелых тупоносых башмаках.

А молодые люди не просто стояли в закутке между старыми автоматами для продажи жетонов и хромированной трубой ограждения эскалатора. Они играли. Парень – на гитаре, а его подруга – на флейте незатейливо, но очень чисто и правильно выводили безумно красивую и грустную тему Эннио Морри-коне из фильма «Профессионал». Музыка плыла над людьми, жила среди них и уносилась куда-то ввысь.

Федор встал в конец длинной очереди в кассу и заслушался волшебной мелодией. Он очень торопился, а очередь, как назло, тянулась медленно, но когда наконец подошла, Федор искренне пожалел об этом. Он прошел через турникет, эскалатор унес его вниз, под землю, но долго еще звуки флейты звучали в его ушах, хотя на самом деле уже затихли давно.

На этой станции московского метро, куда стекались транспортные потоки из Коровина, Дегунина, Бескудников, и всегда-то было не протолкнуться, но сегодня ожидающий поезда народ вообще стоял в три ряда, уже с трудом умекаясь между краем платформы и поддерживающими свод мраморными колоннами. Федор еще раз безнадежно взглянул на часы, в предвидении неминуемого разноса от начальства вздохнул и пристроился в четвертый ряд.

Разрывая перепонки оглушительным гудком, из черной арки тоннеля показался поезд, гоня перед собой, как поршень в насосе, упругую воздушную волну. Толпа, как самоубийца перед последним прыжком, на секунду отшатнулась от края платформы, но тут же напирющие сзади снова притиснули первый ряд вплотную к несущимся на бешеной скорости вагонам. Федору с непривычки показалось даже, что состав проскочит мимо, но надсадно взвыли тормоза, поезд замедлил ход и остановился. С грохотом откатились в стороны двери, и граждане ринулись в и без того непустые вагоны, сметая тех, кто внутри, и друг друга.

Федору всегда дико было наблюдать, как приличные с виду люди в таких ситуациях странным образом утрачивают человеческий облик, ломаются напропалую, расталкивая локтями тех, кто рядом. Вот и сейчас он всеми силами старался не участвовать в этом торжестве низменных инстинктов над разумом, по возможности пропуская вперед женщин и вообще всех, кто слабее. Но оценить джентльменство могут только джентльмены, которых в толпе было немного. На Федора бросали недоуменные взгляды, толкали его, а одной бабке его поведение показалось и вовсе вопиющим. Бабка, которая вдобавок оказалась впряжена в приличных размеров садовую тележку на колесиках, пристроилась в очереди прямо за Федором и, видимо, рассчитывала под прикрытием широкой мужской спины прорваться в вагон без очереди. Когда же Федор не только не выполнил отведенной ему роли тарана, но и самым возмутительным образом начал пропускать даже кого-то сзади, бабка не выдержала.

– Ты садница-та буди-ишь, остолоп эдаки-ий?! – запричитала она, ввиду занятых тележкой рук бодая Федора головой в область поясницы.

«Посадка закончена, не задерживаем состав!» – заглушая бабкины стенания, раздался из динамиков ленивый голос машиниста и, отпугивая не вместившихся, зашипела пневматика дверей. Разумеется, Федор сразу же всякие попытки проникнуть в вагон прекратил и обер-

нул, пытаясь определить источник странных толчков в спину. Однако плотное соседство окружающих и сразу давшая о себе знать боль в боку не позволили Федору увидеть что-либо сзади и ниже себя. Бабка же, для которой отправление поезда веской причиной для прекращения посадки не являлось, продолжала бодать Федора, иступленно повизгивая в пол: «Давай, давай, давай!» Но гул поезда, подошедшего к противоположной платформе, перекрыл слабый голос бабки, и относительно ее желания быть сдвинутым с места Федор так и остался в неведении. Бабка же, почувствовав, что остолоп впереди вообще остановился, восприняла это как совершенно беспрецедентное поправление всех своих старушечьих прав и решила перейти к более активным действиям. Но для этого ей нужно было освободить хотя бы одну руку, при этом не упустив ценную тележку. Ввиду преклонного возраста и стесненных условий эти манипуляции заняли у бабки что-то около десяти секунд.

Тем временем из тоннеля, стремительно приближаясь к месту, где первым в ряду стоял Федор, вырвался следующий поезд. Федор инстинктивно подался назад от края, и наступил суевившейся сзади бабке на ногу. Как раз в эту секунду бабка выпростала-таки одну руку. Федор наступил на нее совсем не больно, но, учитывая всю историю отношений, это стало последней каплей. Неизвестно, на что бабка применила бы освободившуюся верхнюю конечность, не наступи ей Федор на нижнюю, но после такого она, истошно завопив: «Свола-а-ачь!», изо всех сил сунула свой острый старческий кулак Федору под ребра, попав прямехонько по больному месту.

Федора пронзило как током, он коротко вскрикнул и, скрючившись, присел на одну ногу. Но, будучи от природы осторожным и осмотрительным, даже теперь он ни на мгновение не отвел взгляда от приближающегося поезда. Поэтому боковым зрением он увидел, как затянута в черную кожу рука человека, стоявшего справа и сзади него, резко вытянулась в направлении того места в пространстве, где долю секунды назад было плечо Федора. Не встретив ожидаемого противодействия, человек в черном по инерции провалился вперед, едва не свалившись под поезд, но чудом сгруппировался и всем весом врезался в спину женщины в дубленке, стоящей правее.

Женщина полетела под поезд молча, наверное, ничего даже не успев понять и почувствовать. Головной вагон ударил ее влет, перевернув вверх тормашками и подбросив высоко вверх норковую шапку с ее головы. Вой тормозов сразу перешел в душераздирающий визг, его подхватил визг женщин, видевших произошедшее, и страшная картина пронеслась прочь. Федор вскочил, преодолевая боль, кинулся было влево, за несчастной женщиной, но это было бесполезно из-за жуткой давки и бессмысленно потому, что помочь женщине уже никто не мог. Тогда он кинулся направо, за черным человеком в коже, но там плотно стояли уже совсем другие люди.

А поезд стремительно замедлял свой бег, и в сплошной ленте пролетающих мимо окон, как в зеркале, прямо у себя за спиной Федор вдруг увидел отражение лица, вернее, нижней его части – тонкий нос, искривленные в странной усмешке нервные губы, золотая коронка в ряду мелких острых зубов. Что-то неуловимо знакомое показалось Федору в этом отражении и он, расшвыривая окружающих, резко обернулся. Но сзади не было никого, и только полоумная бабка, засветившая ему по ребрам, видимо, в ожидании расправы часто-часто снизу верх моргала на него белыми от испуга глазками.

Состав, не доехав метров десять до начала платформы, со скрежетом остановился, и люди кинулись вперед, кто – смотреть, кто, понимая, что движение надолго парализовано, – на выход. Федор выбрался из толпы и вприпрыжку кинулся к эскалатору. Сердце готово было выскочить из груди; сказать, что ему было страшно, – значило ничего не сказать. Жуткая картина гибели женщины неотступно стояла у него перед глазами, перекошенное лицо машиниста сменялось неясным отражением черного человека с фиксой. Федор видел предполагаемого убийцу в течение каких-то микросекунд и только нижнюю часть лица, но воспаленное созна-

ние дорисовывало портрет, дополняя зловещими чертами. В результате получалось совершеннейшее ужасное нечто, нечто нереально-демоническое, помесь Мэрилина Мэнсона с чертиком из табакерки. Федор гнал из головы нелепое видение, но ему стоило ощутимых, прямо-таки физических усилий не видеть этот жуткий образ в каждом человеке, стоящем рядом на эскалаторе.

И сколько Федор ни пытался убедить себя, что трагедия, только что разыгравшаяся у него на глазах, вполне могла быть несчастным *случаем*, а отражение человека с золотой коронкой – вообще галлюцинацией, у него это плохо получалось. Только здравое рассуждение о том, что оба покушения на него явно были призваны имитировать несчастный случай и, следовательно, в него вряд ли будут, например, стрелять, не давала тошнотворному чувству страха совершенно парализовать волю Федора.

Наверху мелодия Морриконе все так же плыла под сводами павильона, но сейчас Федору было не до музыки. Сойдя с эскалатора, он бегом бросился на улицу и, расталкивая уже выстроившуюся за такси очередь, рванул дверь первого же подъехавшего частного.

– Опаздываю, не обижу! – выпалил Федор, предупреждая обычные в таких случаях вопросы, куда да почему.

Водила оказался понятливым и только кивнул в ответ. Под недовольные выкрики из очереди Федор плюхнулся в пассажирское кресло и махнул водиле рукой – мол, прямо. И только отъехав от страшной станции метро на приличное расстояние и не заметив никаких признаков преследования, Федор немного успокоился и начал думать о том, куда, собственно, ехать. По размышлении выходило, что самое безопасное место сейчас – завод. Там – забор с колючей проволокой, какой-никакой, а режим. Федор решил ехать на завод.

* * *

Озабоченный первым за полгода утренним отсутствием «товарища технадзора», таджик Юра сиротливо топтался на полдороге между проходной и «Конвейером». Увидев Федора, он радостно замахал руками и захромал ему навстречу.

– Товарищ замначальника приезжал, тебя спрашивал, – заговорщицким шепотом сразу поведал Федору Юра, двумя руками пожимая ему руку.

В ответ Федор только рассеянно кивнул головой. Конечно же, отставной эмвэдэшник Горбатов не преминет стукануть Алексею Куницыну, что технадзора не было с утра на производстве, но сейчас это не представлялось Федору сколько бы то ни было серьезной проблемой. После событий вчерашнего вечера и сегодняшнего утра сомнений у Федора не оставалось – за ним охотились. И – его планировали не напугать или покалечить, что после вчерашнего наезда еще можно было как-то допустить. Сейчас было очевидно – его хотят убить. На фоне этой одной, главной и страшной проблемы все остальные – предстоящий разнос от начальства, ссора с женой и даже квартирный вопрос выглядели – так, пригоршней пыли.

Федор зашел в корпус, но на стройплощадку не пошел, чем Юру, стремящегося похвастаться достижениями ночной смены, очень огорчил. Вместо этого он поднялся в крохотную каморку, служащую ему кабинетом, сел там, не включая света и заперев для верности дверь.

Он хотел подумать о том, что так неожиданно начало со вчерашнего дня с ним происходить, поразмышлять над создавшейся ситуацией. Но мысли не шли. Вместо этого в голове был сплошной кавардак, перед глазами мелькали беспорядочные картины произошедших за последние сутки событий. Треугольная мерседесовская звезда в зеркале заднего вида, злое лицо Ирины, бомж, мент-гаишник, норковая шапка несчастной женщины сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, сливаясь в фантазмагорическое подобие ночного кошмара. И, превращая этот триллер в совершенно уже изощренную пытку, в ушах заевшей пластинкой звучала мелодия Морриконе. Федор не выдержал, закрыл глаза, зажал руками уши.

И очень вовремя, перекрывая эту невыносимо-бесконечную мелодию, у Федора в кармане спасительно зазвонил мобильник. Звонила Юлия. Стараясь выдержать официальный тон, секретарша сообщила Федору, что Алексей Дмитриевич срочно вызывает его в офис. Что ж, это и к лучшему. Не век же сидеть здесь, в четырех стенах. А начальник, когда Федор все ему объяснит, надо полагать, сменит гнев на милость. Между прочим, с ним вполне можно и посоветоваться, что дальше делать. Только, естественно, надо принять определенные меры предосторожности. Теперь ему вообще нужно быть очень, очень осторожным.

Федор запер каморку и снова вышел на улицу. Около проходной он тормознул одну из многочисленных машин, выезжавших с «Конвейера», специально выбрав с затемненными стеклами, и на ней покинул территорию завода. По пути с водителем Федору было до площади Белорусского вокзала. Там он вышел, думал было поехать на метро, но не смог заставить себя спуститься под землю. Тогда по подземному переходу он перешел на другую сторону Тверской-Ямской, на Лесную, и только там встал у обочины и поднял руку. Сразу несколько машин кинулись к нему, но Федор, для вида поговорив с водителями первых двух, в лучших традициях жанра сел только в третью.

Всю дорогу до офиса он внимательно смотрел по сторонам. Но никто не преследовал его, никто на светофорах не бросался прикрепить на крышу автомобиля взрывчатку, никто не тыкал в боковое стекло пистолетом с глушителем. Федор понемногу успокаивался, привыкая к новому для себя статусу беглеца. А ведь многим приходится бегать и скрываться годами – и ничего! Салману Рушди, например. Федору польстило сравнение со скандально известным автором «Сатанинских стихов», и он залихватски подмигнул сам себе. Выше нос, старик! За тобой охотятся, но ты жив и знаешь об угрозе.

А кто предупрежден – тот, как известно, вооружен! Жизнь, час назад чуть было нелепым образом не оборвавшаяся, кажется, налаживалась.

* * *

У Алексея Куницына были посетители, и еще двое ожидали своей очереди в импровизированной приемной, то есть на стульчиках около Юлиного стола. Потом Алексей Дмитриевич пили чай, потом к нему была вызвана «белая мышь» Роза Анатольевна. В общем, приглашение в кабинет к начальнику Федор получил не скоро, уже в пятом часу. За это время он поведал всем, что на завод сегодня опоздал из-за какого-то идиота на «ГАЗели», который въехал в зад его «шахи», не успел Федор отъехать от дома. Естественно, пришлось вызывать ГАИ, потом тащить «шаху» на веревке к дому, отсюда и опоздание. Все сочувствовали Федору, Яков Наумович и Горбатов сразу начали рассказывать схожие эпизоды из своей водительской практики, и даже Юле нашлось что сказать почти в тему. В общем, «на ковер» Федора провожали одобрительными подмигиваниями и пожеланиями ни пуха ни пера. Федор в шутку послал всех к черту и вошел в кабинет.

Алексей Куницын, как обычно, сидел за столом и изучал какие-то бумаги, поигрывая в пальцах золотым «Монбланом». Выговаривать Федору он начал, едва тот переступил порог.

– Федор Андреевич, когда за вас просили, то рекомендовали вас как грамотного специалиста и дисциплинированного работника, – даже не глядя на подчиненного, скучным голосом произнес Куницын. – И если в первом у меня пока не было причин усомниться, то ваша дисциплинированность явно оставляет желать лучшего.

«Эх, дать бы тебе разок в нюхалку!» – подумал Федор, мечтательно глядя на обращенную к нему маковку начальника с маленькой, круглой, как тонзура католического монаха, лысинкой. Намекая на то, что Федор попал в «Лого-Строй» через жену Алексея Ольгу, которую просила об этом ее подруга Ирина Ионычева, Куницын не мог не понимать, что Федору это будет неприятно. Это был своеобразный удар ниже пояса, и Куницын нанес его не стесняясь.

– Вы опоздали сегодня на работу минимум на тридцать минут, – продолжил тем временем Куницын, все так же не удостоивая Федора взглядом. – То есть столько времени вас там ждал Семен Евстратович. Во сколько вы приехали на самом деле, мне неизвестно. И были ли вы вообще сегодня там...

На последних словах Куницын театрально сбавил интонацию и, нахмутив брови, изобразил на лице безграничную занятость содержанием бумаг перед ним. Всем своим видом он давал понять, что ни разговор, ни собеседник ему не интересны, что, распекая нерадивого подчиненного, он выполняет скучную обязанность, в то время как у него есть дела несоизмеримо более важные. Федору, за полгода общения неплохо начальника изучившему, подобные инсценировки были не в диковинку и давно наскучили. Конечно, при иных обстоятельствах он бы четко отыграл бы отведенную ему в этой мизансцене роль, сводившуюся к сакраментальному: «Виноват-с, дурак-с, исправлюсь!», благо формальный повод гневаться у начальства был. Но не сейчас. Выделившийся в огромном количестве за последние сутки адреналин кипел в крови Федора, он ощущал потребность драться и возражать.

– Вообще-то был, – развязно-весело, как рыжий клоун на арене, ответил Федор. – Но мог и не быть. Я, Алексей Дмитриевич, вообще мог нигде уже сегодня не быть!

Куницын поднял голову от бумаг и взглянул на собеседника. Его взгляд был полон высокомерного недоумения. Такой вид бывает у самоуверенного избалованного мальчишки, которого в тот момент, когда он спокойно и методично отрывает крылышке мухе, огорошили известием, что вообще-то муха – против.

– Что вы имеете в виду? – надменно спросил Алексей, подчеркивая интонации взгляда удивленным подъемом бровей.

– Да ничего особенного, кроме того, что сегодня утром в метро я чуть не погиб, – памятуя о желании посоветоваться с шефом о делах своих скорбных, сразу стал серьезным Федор. – По чистой случайности вместо меня под поезд попал другой человек.

– Постой, постой, – заинтересованно прищурил глаза Куницын. – Ты ведь где-то в районе Петровско-Разумовской живешь? Там сегодня женщина упала под поезд, по телевизору недавно передавали.

– Она не упала, ее столкнули, – поправил Федор. – Это было у меня на глазах. Но хотели столкнуть меня. А вчера вечером в меня въехал джип, и я только чудом успел отпрыгнуть. За мною охотятся, шеф, и, кажется, хотят убить.

Брови Алексея снова взлетели вверх, но на сей раз презрительной скуки в его взгляде не было. А Федор, открыто и спокойно глядя на Алексея, на самом деле очень нервничал в ожидании его реакции на услышанное. Вот он скажет сейчас, что сотрудник, на жизнь которого покушаются, просто ему не нужен – и все. Или, в лучшем случае, посоветует обратиться в милицию. Но ни того, ни другого, к радости Федора, Алексей Куницын делать не стал. Вместо этого он кивком головы указал Федору на стул и хмуро бросил:

– Рассказывай.

Федор не заставил себя долго упрашивать. Он рассказывал долго и подробно, стараясь не упустить ни одной детали, сам по ходу рассказа пытаясь анализировать ситуацию. Алексей слушал внимательно, не перебивая, только время от времени качал головой, а когда в дверь осторожно постучали, недовольно поморщился.

– Алексей Дмитриевич, можно на секунду? – приоткрыв дверь узенькой щелочкой, осторожно заглянула в кабинет Роза Анатольевна.

Куницын кивнул бухгалтерше, мол, входи, и как-то в нерешительности посмотрел на Ионычева.

– Ты бы, Федь... – начал было он, но не успел понятливый Федор вскочить, собираясь оставить начальника с «белой мышью» тет-а-тет, как Алексей милостиво махнул рукой: – Да, впрочем, ладно, сиди.

– Я бы, с вашего позволения, пошла, – войдя, пропищала «мышь», сложив руки на груди в замок и часто кланяясь, как гейша в японском ресторане.

– Да, да, конечно, идите, – рассеянно ответил Куницын, удобно разваливаясь в кресле. – Мы тут с Федором Андреевичем еще посидим.

Финдиректорша никогда не уходила рано, и Федор исподтишка посмотрел на циферблат. Было уже начало седьмого. Федор поразился – за рассказом о наболевшем совершенно незаметно пролетели два часа! Но «белая мышь» зашла явно не только для того, чтобы сообщить начальнику о своем уходе.

– Вас ведь завтра рано не будет, а мне с утра зарплату выдавать, – еще больше согнулась в поклоне «белая», косясь на Федора. – Мне бы ключики от сейфа.

– Ах, да, конечно! – хлопнул себя по лбу Алексей, рывком вставая с кресла.

Через весь кабинет он прошел к маленькой неприметной двери в углу, выудил из кармана брюк связку ключей, выбрал один – длинный и тонкий – и вставил его в замочную скважину.

Эту дверь при Федоре открывали первый раз, и он поразился тому, что совершенно обыкновенная с виду, она оказалась такой толстой и, судя по тому, как нелегко она подалась, очень тяжелой. Правда, как Федора никогда не интересовало, что за каморка папы Карло скрывалась за дверью в углу, так и открытие, что это была сейфовая комната, ничуть его не удивило. На самом деле, нужно же где-то неприметной московской фирме хранить свои скромные сбережения?

А тем временем Алексей Куницын вошел в дверь, прикрыл ее за собой и через минуту вышел, неся в руках аккуратный, дорогой даже с виду кожаный кейс, снова запер дверь и протянул ключи бухгалтерше. «Мышь» с пиететом во взгляде приняла двумя руками тяжелую, густо звякнувшую связку и попятилась к выходу.

– Расписочку не забудьте, – без какой либо связи с происходящим произнесла она, вперед спиной выходя из кабинета. – До свидания, Алексей Дмитриевич!

– До свидания, до свидания, – распрощался с занудной бухгалтершей Куницын, снова усаживаясь в свое кресло. – Так ты считаешь, что это кто-то из твоих бывших субчиков мог на тебя наехать? – обратился уже к Федору он, озадаченно морща лоб. – Ладно, завтра напишешь все нужные координаты Горбатову, я скажу ему, он пробьет их по своим крюкам в МВД. А я попрошаю по другим каналам, ну, ты понимаешь, по каким. Пусть господа «с крыши» разбираются, что это за поц с золотым зубом на моих сотрудников наезжает!

У Федора даже от сердца отлегло, такой стройный план по его спасению *звучал* из уст Алексея Куницына. А он, оказывается, совсем не такой говнюк, этот его начальник! И, словно в подтверждение этой сентенции, Алексей Куницын перегнулся через стол и – немыслимое дело! – подмигнув по-приятельски, похлопал Федора по плечу:

– Знаешь, Федь, сначала я, конечно, подумал, что ты или бредишь, или понты раздуваешь, – совершенно уже дружеским тоном сказал Куницын. – Но сейчас вижу – нет. Что ж, будем помогать, не бросать же тебя в беде!

– Спасибо, Алексей Дмитриевич! – скупно улыбнувшись, ответил Федор, совершенно искренне растроганный таким вниманием к своей персоне.

– Только знаешь, что я тебе посоветую? – между тем продолжил свои рассуждения Алексей. – Пока мы не вычислим, кто на тебя зуб нарисовал, тебе бы надо было несколько дней дома не ночевать. Если тебя ведут, то у дома запросто могут подкараулить. А подъезд – самое безнадежное место уйти от киллера. Найдешь, где перекантоваться?

– Да, да, конечно! – закивал головой Федор, удивляясь, что сам не додумался о такой элементарной мере предосторожности.

– Ну, вот и славно! – подытожил Алексей, заканчивая интонацией аудиенцию.

Федор намек понял, вскочил, и в этот момент навязшей в зубах мелодией из знаменитого бандитского сериала ожила последней модели куницынская мобильная «Нокия», лежащая на столе. Алексей взглянул на дисплей и поднес аппарат к уху.

– Ну, ты где? – спросил он кого-то на том конце провода. – Когда будешь?

– Не помешаю? – одними губами задал вопрос Федор, которому для того чтобы определиться с ночлегом, нужно было теперь повисеть на телефоне, а значит, испросить разрешения начальника на то, чтобы задержаться в офисе.

Тот безразлично дернул головой, и Федор, истолковав это как разрешение остаться, выходить из кабинета не стал, а лишь тактично отвернулся, подчеркивая безразличие к разговору. Правда, для того чтобы не слышать голоса, раздававшегося из мобильного, нужно было быть глухим. Слов Федор, разумеется, не различал, но по интонациям говорившего было ясно, что тот очень эмоционален, а по коротким похохатываниям Куницына – что рассказывает он нечто в высшей степени забавное.

– Слушай, ну, ты, конечно, неправ! – улыбаясь, явно в шутку принялся выговаривать Куницын собеседнику, когда скороговорка из динамика перестала доноситься. – Ну да что с тобой поделаешь? Две блондинки и рыжая – это, конечно, причина уважительная. Ладно, давай, до завтра! Завтра-то хоть они тебя отпустят?

И, уже в голос хохоча, нажал на отбой.

– Во дает! – восхищенно воскликнул он, глядя на Федора и кивая на трубку мобильного. – Старый, как говно мамонта, а туда же – трех шлюх где-то в казино снял! Говорит, до утра не отпущу. Для них русские девки – что валерьянка для кота!

Федор, понимая, что в этом диалоге он – за болвана, вежливо улыбнулся и уже было собирался открыть рот для своего вопроса, как чело Куницына внезапно омрачилось.

– Черт, а Роза-то ушла! – пробормотал он, хлопая себя руками по карманам.

Он схватил мобильный, морща лоб, набрал номер, через пару секунд снова выругался, набрал еще раз и швырнул аппарат в кресло.

– Все поотключали телефоны, гады! – пробормотал он себе под нос и недовольно посмотрел на Федора. – Ну, чего еще?

– Я хотел спросить, можно ли мне задержаться, по-позванивать по поводу, где перекачтоваться? – видя, что начальство нервничает, скороговоркой спросил Федор.

– Да хоть живи здесь, – усмехнулся Куницын. – Сгони Устиныча с его матраса и дави себе, а ему нечего спать, пусть службу несет!

Устиныч был ночной сторож, не старый еще дедок. К безопасности офиса, главная часть которого – кабинет шефа – охранялась с пульта милицией, Устиныч отношения не имел, и все функции его заключались в том, чтобы в случае ночного пожара позвонить по ноль-один. Федор, которого злая шутка о расправе над немощным пенсионером покорила, неодобрительно покачал головой и направился к выходу из кабинета.

На самом деле такая вольность в иное время могла дорого ему обойтись, но сейчас Куницына ни это, ни сам Федор уже не интересовали. Он поднял мобильный, ткнул кнопку и, коротко бросив: «Коля, заводи, едем домой!», принялся одеваться. Через три минуты, когда Федор, сидя на своем месте, тер лоб над проблемой ночлега, Алексей Куницын, одетый в легкую дубленку от «Boss» стоимостью, наверное, в небольшое состояние, появился из дверей кабинета, запер его, опечатал пломбу маленькой печаткой и проследовал на выход, даже не кивнув на прощание Федору. В руках у него был тот самый изящный кейс.

Глава 4

Рецепт выздоровления, «прописанный» врачами, был прост – два раза в год по две недели класть ребенка в стационар, в главную педиатрическую клинику Москвы – Морозовскую, постоянно колоть витамины и алоэ. На все лето – желательно к морю, в Крым, в Евпаторию, в какой-нибудь из многочисленных тамошних детских санаториев. И главное – любой ценой уехать из продыmlенной смертельными выбросами литейно-механического сырой люблинской коммуналки с окнами на север.

* * *

Когда Федор на вопрос начальника о возможности переночевать вне дома ответил, что, дескать, нет проблем, он имел в виду гостиницу. Однако уже после первых десяти минут детального изучения вопроса стало ясно, что представления Федора об избытке в огромной Москве недорогих и приличных отелей были не вполне верными.

То есть, за триста-четырееста и выше долларов в сутки выбор был огромный. Отелей в реальной ценовой категории было уже гораздо меньше, при этом в самых недорогих гостиницах мест не было и не предвиделось на пару вечностей вперед. И только просидев на телефоне не меньше часа и натерев трубкой мозоль на ухе, Федору удалось найти два постоянных двора, готовых поселить у себя усталого путника за относительно скромную мзду в пятьдесят условных единиц в сутки. И то в одном из них сказали, что свободен всего один номер и что если уважаемый господин не прибудет к ним в заведение максимум минут через пять, то они ни за что не ручаются.

Федор мысленно смачно их послал и сосредоточился на последнем варианте. Здесь было вроде бы все по-людски, любезная женщина-администратор готова была ждать, пока Федор доберется до их окраины, и Федор уже начал было диктовать паспортные данные для брони, но вдруг, прервав на полуслове общение, тихо положил трубку на рычаг. По запарке он совсем забыл, что сегодня два раза катался на такси, оба раза щедро расплачиваясь с водителями, и что от полутора тысяч рублей, которые были у него в кошельке с утра, сейчас осталась хорошо если половина.

Федор встал и кругами заходил по офису. Вот это номер! С деньгами особых проблем не было, потому что завтра «белая мышь» Роза Анатольевна выдаст зарплату, но где провести отделяющую его от этого прекрасного момента сегодняшнюю ночь? Не на одном же, на самом деле, матраце с Устинычем, сейчас пускающим зловонный папиросный дым и гулко кашляющим в курилке! Может быть, осчастливить, набившись на ночлег, кого-нибудь из старых друзей?

Федор в уме быстро перелистал записную книжку и понял, что осчастливливать, собственно, некого. Кто-то из той, прежней жизни, под любым предлогом точно откажет, кому-то Федор под страхом смерти не стал бы звонить сам. Остальных, имея все-таки вариант ночевки в офисе, не хотелось беспокоить, тем более рискуя после длительного и скучного упрашивания услышать в результате вежливый отказ. Так что же – спокойной ночи, Устиныч?

В последней надежде, что кто-то из потенциальных соратников по ночевке остался не охваченным мысленным взором, Федор вынул из кармана свою затрепанную записную книжку. Но тщетно он листал ее замусоленные странички вперед и назад – ни одной мало-мальски подходящей кандидатуры не было, хоть умри. Федор закрыл бесполезную книжицу, подумав, что надо бы купить новую, а то такую на людях и вынуть-то из кармана стыдно. Вон рассыпалась

вся, а на замусоленном ступенчатом обрезе буквы алфавита были уже с трудом различимы. Вот такая это буква после И – то ли К, то ли Л. Да нет, точно Л, а где же К?

И тут сердце у Федора сладко сжало, потому что он вспомнил, где К. Он эту страничку сам вырвал много лет назад, потому что на ней был записан телефон Кати. Так сильно после женитьбы Федор хотел вычеркнуть из сердца всякие воспоминания о бывшей зазнобе, которую он бросил ради Ирины. Ровно до этой минуты Федор был уверен, что это ему удалось.

* * *

В свою бытность военным строителем взаимоотношения Федора с представительницами прекрасного пола имели очень своеобразную периодичность. Совершенно не имея во время работы свободного времени, Федор знакомился с женщинами строго в период своих отпусков. За год отношения с пассией, как правило, утрачивали актуальность, и в свой очередной отпуск Федор находил себе новую. Такая зависимость прослеживалась на протяжении трех или четырех лет и уже казалась Федору аксиомой.

И тут он встретил Катю. Они познакомились в пивном баре, куда Федор с приятелем зашел попить безальтернативного тогда «Ячменного колоса». Затем же, естественно, оказались в заведении и Катя с подругой-студенткой, решившие употреблением пенного напитка отметить праздновавшийся в ту субботу День физкультурника. Немногочисленные в те последние советские годы пивняки пустыми не были никогда, и обе пары плечом к плечу простояли в очереди на вход полтора часа.

Еще на улице Федор обратил внимание на очень симпатичную рыжую девушку рядом в очереди. При этом она была рыжей совершенно не в общепринятом смысле этого определения. Не было светлых глаз с красноватыми веками, белой кожи, так подверженной действию солнечных лучей, лисьего огня в обязательно курчавых волосах. Не было даже намека на веснушки. Ее волосы цвета темной бронзы сами собой разделялись на толстые тугие пряди и струились, как у боттичеллиевской Венеры. Кожа ее от природы была как будто слегка, самую малость, загорелая. Это уже потом выяснилось, что дальние Катины корни тянулись в Узбекистан, но тогда Федор никак не мог понять, откуда в разгар дождливого и прохладного в тот год московского лета на лице и запястьях его новой знакомой мог взяться такой совершенно не местный загар? А глаза!.. Ее глаза были не просто зелеными, а удивительного изумрудного цвета, и вся она была как медно-золотая оправка, обрамляющая эти два огромных прекрасных изумруда! А местами, как потом выяснилось, Катя была на самом деле золотая, потому что волосы на ее теле были совершенно цвета этого благородного металла.

Отстояв очередь, за столиком на четверых они тоже оказались вместе. После первой же кружки Федор представился и в ответ на вопрос, а как зовут его визави, услышал такое напевное и мелодичное: «Ка-ати-я-а!», что вопрос о том, кто станет его «somebody to love» как минимум до следующего отпуска, перестал быть для Федора актуальным. Тогда Федор еще не знал, что ни в следующий, ни в последующий свой отпуск ему не захочется искать себе никого нового.

У них вспыхнула сумасшедшая любовь. Катя оказалась очень легка в отношениях, как шампанское – пузырьками искрясь жизнелюбивой веселостью, при этом абсолютно не будучи бездумной пустой хохотушкой. Любую жизненную проблему встречая неизменным «Прорвемся!», она не была при этом легкомысленной; не будучи слишком начитанной и услышав от Федора что-то для себя новое и интересное – поверхностной и скоропалительной в суждениях. В ежедневном общении она была неконфликтна и уступчива; ее можно было охарактеризовать как обладательницу безусловно легкого характера, но в иных вопросах она придерживалась настолько четких, негибких принципов и норм, что непонятно было, откуда берется такая твердость в столь воздушном, радужном на вид существе.

Первый раз в жизни Федор не находил в характере, поведении женщины рядом с собой ничего неприятного, раздражающего, обескураживающего. У них были удивительно схожие представления обо всем, что бывает важно для людей, особенно когда мимолетное знакомство имеет шансы перерасти в длительные, серьезные отношения. Возможно, это был тот случай, когда совпадают некие выемки и впадины человеческих сущностей и из двух половинок получается единое, неделимое и гармоничное целое. Подобные редчайшие события люди привыкли называть и одновременно объяснять глубокомысленным и малопонятным термином «судьба», но Федор и Катя были далеки от веры в сверхъестественное и непостижимое.

Федор работал шесть с половиной дней в неделю, Катя училась и работала тоже практически без выходных. Им удавалось побыть вместе один-два воскресенья в месяц. Федор тогда еще жил с родителями, в крошечной Катиной однушке в Ясенево лежала недвижима ее парализованная мать, и для их встреч Федор брал ключи от комнат друзей из офицерской общаги. В такие дни они залезали в постель с вечера субботы и размыкали объятия только рано утром в понедельник. А летом, когда удалось нанять Катиной маме профессиональную и очень ответственную сиделку, они поехали в Крым и провели там волшебные десять дней в раю.

После Крыма Федор сделал Кате предложение. «Это значит, ты любишь меня?» – заглядывая ему в глаза, как-то удивленно спросила Катя. «Ну да, – как само собой разумеющееся ответил Федор. – Конечно. А ты?» Катя чуть-чуть нахмурилась, словно сосредотачиваясь перед ответом на сложный вопрос на экзамене. «Я люблю тебя так, как небо любит землю, – наконец тихо произнесла она. – Как женщина любит только что рожденного ею ребенка. Как любит измученное засухой поле первые капли дождя. Как любит жизнь умирающий в последнюю свою секунду. Но я люблю тебя сильнее, просто не знаю более подходящих слов». Федор помнил, как от этих слов у него, как от неожиданной встречи с чем-то невысказанно огромным, неизвестным и непонятным, по спине прополз холодок.

Потом у них был совершенно феерический секс, после которого они лежали в объятиях друг друга и Федор увлеченно и громко строил планы на будущее. Но Катя, словно прихваченная неожиданным морозом какой-то мысли, молчала. Когда, наконец, заметивший это Федор осторожно поинтересовался, в чем дело, Катя потухшим голосом сказала, что пока мама жива, она не считает для себя возможным начало семейной жизни, потому что это – быт, дети, и тогда она не сможет уделять маме хотя бы столько же внимания, как теперь. Она понимает, что говорит страшные вещи, но маме осталось недолго – год, от силы два. Может быть, подождем? Во взгляде Кати, обращенном на Федора, была вселенская мольба. И слезы. «Конечно, подождем!» – поцеловал ее в мокрый нос Федор. Он ведь все понимает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.